

— Отпустить, говоришь? — шепнул ей драуг в самое ухо, касаясь мочки губами. — Таких, как ты, силой не держат — себе дороже. У тебя в сердце тьма и боль, я чувю их. Кровь за спиной, кровь впереди... Забудь все — иди ко мне. Поделись болью... Или уходи — но сама.

ОГОНЬ В ТВОЁМ СЕРДЦЕ

МАРИНА КОМАРОВА
ДАНА АРНАУТОВА

Annotation

Для нее любовь — потеря смысла жизни, для него — конец бессмертия. Огненная ворожея Йанта и служащий морскому богу ярл Фьялбьерн уверены, что смогут избежать любви, заменив ее наслаждением. Но когда страсть так сильна, что северное море закипает, а в душах богов поселяется страх, голос рассудка смолкает и начинает говорить сердце.

Марина Комарова, Дана Арнаутова

Огонь в твоём сердце

© Комарова М., Арнаутова Д., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

— Стой, мерзавка!

Нашел дуру — остановиться. Йанта неслась по горной тропе, не оборачиваясь. Сердце бешено колотилось, отсчитывая драгоценные мгновения, ступни сквозь тонкую подошву ощущали каждый острый камешек.

Он ее не видел. Не мог увидеть! Но прекрасно знал, что далеко добыча убежать не могла.

Дыхание с хрипом рвалось из пересохшего горла. Только не смотреть вниз! Туда, где чернеет разинутой пастью глубокая пропасть. Слетишь — костей не соберешь!

— Стой, все равно будешь моей!

Мотнув головой, Йанта пожалела, что нельзя закрыть уши, лишь бы не слышать ненавистный голос колдуна. А еще лучше — вырвать бы ему язык. Но сейчас Салиба не сразить ни огнем, ни магией. Слишком большую силу набрал, отроде тьмы. Не справиться даже ей, дочери рода Огнецвет. Уничтоженного рода. Еще свежая боль полоснула сердце — Йанта коротко всхлипнула. Огнецветы сгнули всего за одну ночь. Проклятую ночь, когда Салиб со своими тeneвыми приспешниками ворвался в их дом, уничтожая все на своем пути. Выжженным клеймом в памяти остались пустые глаза мертвых братьев, обожженное лицо Мирина, перерезанное горло матери...

Йанта стиснула зубы, прижавшись к скале спиной, переводя дух и оглядывая узкую тропу над самой пропастью. Не раскисать. Она отомстит. И месть будет страшной. Но для этого нужно выжить.

Вдалеке послышался гул — предупреждающий, грозный, словно рык пробудившегося дракона. Обвалы в Аш-Шарамских горах непредсказуемы и смертельны для всего живого. Салиб больше не окликал ее. Задумался, стоит ли лезть очертя голову в самое пекло. Только вот и ей несдобровать, если обвал докатится сюда.

Йанта с трудом усмехнулась сухими губами и нащупала под рубахой горячий от тепла тела камешек. В ушах ветром зашелестел голос учителя:

— Береги амулет, девочка. Я вложил туда все, что мог. Первозданный огонь сохранит свое дитя, унесет от любой беды, но только один раз.

Скала содрогнулась, зашуршали, сбегая вниз, мелкие камни — последнее предупреждение. Страх схватил в липкие объятия. Йанта глубоко вдохнула и сжала гладкую поверхность амулета, быстро прошептав заклинание и представив Аш-Шарамский храм Огня.

Чья-то рука легла на ее плечо.

— Попалас-с-сь... — прошипел змеей Салиб.

Йанта охнула, ослепительное пламя окутало ее с ног до головы, колдун вскрикнул, но драгоценное сосредоточение было утрачено. Миг — раздался грохот несущихся вниз камней, и безумный водоворот огня швырнул ее в открывшийся магический портал. Совсем не тот, куда собиралась Йанта!

Часть первая
Живой корабль

Глава 1

Мертвый ярл живого корабля

Учитель не соврал, амулет и впрямь мог унести от любой беды. И унес! В ушах еще стоял тяжелый гул надвигающегося камнепада, несколько мелких осколков даже успели чувствительно стукнуть ее по спине, но... Гор вокруг не было! Зато обрушилась слепящая боль, словно Йанта снова, как в детстве, опрокинула на себя котелок кипятка.

Дыхание перехватило, палящий жар сменялся холодом и возвращался вновь. Пространство крутилось вокруг, взбесившись, меняя низ и верх, право и лево, выворачиваясь наизнанку. И хуже всего была пустота. Полная, абсолютная, дикая пустота безвременья и несуществования, из которой хотелось сбежать хоть куда-нибудь, лишь бы в настоящий мир! А потом пустота осталась позади, а перед ней вспыхнул сумрачный серый свет, затянул в себя, залил все вокруг...

Йанта плотнула воздуха пополам с водяными брызгами, беспомощно забарахталась на лету и только у самой воды распрямилась, ногами упав в кипящие буруны. С размаху вошла кинжалом в плотную, почти твердую глубину, и тут же ее закрутило, завертело, потянуло вниз... Отчаянно сопротивляясь волнам, она сбросила тяжелую куртку, сумку — и вынырнула все-таки, хватая ртом водяную пыль. Воздух резал горло и грудь пронзительным холодом, пах солью, йодом и рыбой, но Йанта ловила его каждый раз, оказываясь на поверхности, и снова уходила под воду. Проклятье — долго ей так не продержаться. Куда плыть? И есть ли в этом смысл? Это не вода, а ледяная каша — скоро тело потеряет последнее тепло.

Йанта покрутила головой, пытаясь высмотреть хоть что-то в сизой круговерти ветра и брызг. Глупо... Если выкинуло среди океана, рядом только по сумасшедшей случайности может оказаться корабль. Но в просвете между гребнями волн что-то мелькнуло. Потом еще раз, и еще. Парус? Скала? Неважно! Она изо всех сил бросила тело вперед, стараясь не терять направления, и погребла, чувствуя, как сковывает движения холод. Взмах рукой — бросок тела, взмах — бросок... Внутренний огонь не даст ей замерзнуть дольше, чем обычному человеку, но не вечно же. Взмах — бросок. Вытягиваясь, ловя волну, способную подкинуть ее дальше, подныривая под ту, что мешает, — она выжимала последние силы, понимая, что, если не успеет, сил на что-то другое не останется. И уже видела парус совсем рядом. Точнее, паруса! Огромные, квадратные, они прыгали над волнами, то взлетая, то снова опускаясь, сверху давило низкое свинцовое небо, и над бортами длинного корабля с изогнутым резным чудовищем-носом суетились темные фигурки. Корабль лишь отдаленно смахивал на те, что ходили у берегов родного Аш-Шарама.

— Эге-гей! — крикнула Йанта в краткий миг тишины между завываниями ветра. — Эй! На корабле!

Неважно, поймут или нет, лишь бы заметили. Взмах — бросок! В глазах темнеет, тело не слушается... Взмах — бросок!

Что-то упало с корабля, шлепнулось в воду возле нее. Темный комок развернулся, опутал, потянул за собой. Сеть! И правильно, так быстрее — конец веревки в таких волнах не поймать. Да и не удержать ее сведенными от холода пальцами.

В сети, что спутала по рукам и ногам, она едва не захлебнулась, уже не в силах отбиваться от упругих волн, через которые ее тащили. Набрала побольше воздуха, не

сопротивляясь, и дотерпела — сеть выдернула ее из воды, потянула вверх: через леденящие порывы ветра, через борт — на деревянную палубу — навстречу крикам и шуму.

Встать получилось не сразу. Сначала Йанту все же распластало на палубе, как рыбину, потом веревки распустились, чьи-то бесцеремонные руки сдернули их, освобождая. На плечи легло мягкое и теплое, кутая от подбородка до пят, а к губам, едва она, пошатываясь, поднялась, прижали горлышко фляги. Глотнув, Йанта закашлялась. Вдохнула воздух и снова глотнула, понимая, что им тут виднее, чем поить замерзающих. Пойло обожгло рот и горло, струей жидкого огня полилось внутрь. Ничего, это хорошо... Это правильно: пусть кровь бежит быстрее, теперь можно.

Сделав еще пару глотков, она отняла флягу от губ, убрала со лба прилипшие мокрые пряди волос, поискала взглядом... На палубе никого не было! То есть почти никого. Прямо перед ней стоял один-единственный человек в потертой кожаной одежде. Пшеничная копна волос, яркие голубые глаза, белозубая усмешка на продубленном ветром и морской солью лице. Чуть поодаль замер еще один — гора мышц на две головы выше Йанты, седые встрепанные волосы до плеч и что-то странное с лицом... И все! Корабль был пуст!

Нет же... Йанта потрясла головой, снова оглядываясь. Глаза говорили одно, но уши, из которых вылилась морская вода, утверждали, что рядом полно народу. Крики, гомон, смех... Только закрой глаза — и будто в толпе стоишь. Она даже покачнулась, пытаясь определить источники звука, закрыла глаза. Как странно здесь течет магическая сила...

— Неплохой улов сегодня! Эту рыбку я бы жарил до утра!

— Это не рыбка, балбес, а красотка хавфруа^[1]. Видать, в этих водах они такие. Ух, какая мордашка!

— Эй, детка, подари поцелуй, а я тебе ленточку в косу куплю!

Моряки, чтоб их... Язык знакомый, так говорят на Северных островах, разве что выговор странный, но все понятно. И хоть видимые, хоть невидимые, а язык одинаково длинный и похабный. Ну да, косы у нее растрепались изрядно, переплести заново не помешало бы.

Йанта стиснула зубы, понимая, что лучше пока молчать. Развлекутся и перестанут. Наверное... Лучше бы в тепло отвели!

— Кто ты такая и откуда взялась?

Зычный голос легко прорезал гомон вокруг, вырывая из попыток увидеть происходящее с магической стороны. Йанта вздрогнула, открыв глаза.

Человек, стоявший у мачты, в пару шагов оказался рядом и бесцеремонно ее разглядывал. Впрочем, человек ли? От великана, одетого, как и сразу отошедший моряк, в продубленную кожу, веяло темной стихийной силой. Теперь было видно, что только левый глаз у него живой: пронзительный, ясно-голубой, сияющий. Зато второй, над основанием жуткого клиновидного шрама через всю щеку, — осколок мутного льда, уходящий в череп. И все равно было похоже, что смотрят оба, но по-разному. Совсем по-разному. Под двойным прицелом этого взгляда Йанта глубоко вдохнула, стараясь сдержать озноб, и склонилась в неглубоком, но учтивом поклоне. Выпрямилась, глянув в ответ спокойно и прямо:

— Благодарю за помощь, господа мореплавателя. Мое имя Йанта, люди кличут меня Огнецвет. Я странница и оказалась здесь случайно.

Про Аш-Шарам говорить не стала, кто его знает, как тут относятся к городу колдунов.

Что ж он так смотрит, словно кожу взглядом снимает? На палубе вдруг стало тихо, невидимая толпа жадно слушала. Человек напротив хмыкнул:

— Случайно посреди штормового моря? Не заметь мы тебя — уже кормила бы рыб,

девочка, так что лучше тебе отвечать на вопросы честно.

— При всем уважении, — ровным тоном отозвалась Йанта, — других ответов у меня нет.

В борт тяжело плеснула волна. Стоящий перед Йантой великан нахмурился, сдвинул брови, и показалось, что вокруг стало темнее. А вот это уже интересно! Море отзывается ему? И корабль с невидимками... Да, интересно, только некстати очень.

— Ни ответов на вопросы, ни нитки бус, — усмехнулся хозяин корабля. — Чем будешь платить за спасение и кров, странница, если даже интересной истории от тебя не дождаться?

Морские разбойники, что ли? Но невидимки... И этот вождь — или как их называют на Севере, ярл? — явная нечисть. Вот угораздило. Йанта выпрямилась еще сильнее, стараясь не ежиться под взглядом, что пронизывал едва ли не сильнее порывистого ветра.

Вокруг снова плеснуло шумом и голосами. Команда невидимок обсуждала, чем именно может расплатиться такой славный на личико улов — Йанта стиснула зубы, стараясь не вспылить. Оказаться на корабле, полном мужчин, это не намного безопасней камнепада. Она, конечно, может защитить себя, но с корабля, подпалив кому-нибудь особо ретивому шкуру, никуда не деться — вот что плохо. А особенно некстати, что ярл смотрит явно с нехорошим интересом. Знакомым таким, насквозь понятным мужским интересом: захочешь — не ошибешься. Хорошо, что плащ дать успели: тонкий мокрый лен не просто ничего не скрывает — стоять в нем под таким взглядом хуже, чем голый. Чтоб вас всех!

— Назови цену, ярл, — сказала она так же ровно, не пытаясь перекричать толпу. — А я скажу, смогу ли заплатить ее, раз уж в ваших краях не принято просто так помогать оказавшимся в беде.

— В наших краях? — нехорошо усмехнулся хозяин корабля. — Да ты и впрямь издалека, девочка, если не знаешь, где и у кого оказалась. На «Гордом линорме»^[2] принято лишь то, чего хочу я, Фьялбьёрн Драуг. И если я что-то выловил из моря — оно принадлежит мне. Так что о плате можешь не беспокоиться: что взять с улова, кроме самого улова? Договоримся...

— Боюсь, что нет, — негромко и совершенно бесцветно сказала Йанта. — Не знаю, что ты ловил до этого, господин Фьялбьёрн, только я собой привыкла распорядиться сама. И спасти меня, кстати, не просила.

Тишина, рухнувшая на корабль, почти заставила поверить, что, кроме них двоих, на палубе больше никого нет. Да вон еще один, что поил Йанту и дал плащ, замер у мачты — на лице восторженное любопытство. Изнутри раскаленной лавой поднималась ярость: устроили представление, ублюдки. И этот... Драуг^[3]. Слово было знакомым. Какая-то нечисть морская, что ли... Но, похоже, зовут так капитана не только за характер: силой все-таки веет всерьез... Плохо. Очень плохо. Драться с морской тварью на ее территории, да еще полной невидимок, — вот уж чего не стоит делать, если есть выбор.

— Не просила? — глумливо улыбнулся Фьялбьёрн. — Так, может, назад выкинуть? Подождешь следующего корабля, они здесь частенько плавают. Особенно в такую погоду.

Захотала над шуткой невидимая команда, а одноглазый хозяин корабля усмехнулся, глядя насмешливо и уверенно: куда деваться добыче? И шагнул к ней.

Решение пришло мгновенно, стоило глянуть в сторону моря. Оно кипело и бурлило, вздымалось белоснежными пенистыми гребнями почти вровень с бортом. Йанта глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Да гори оно все ясным пламенем.

— Зачем же утруждаться? — усмехнулась она в ответ как можно высокомерно. — Сама справлюсь. Благодарю за гостеприимство, Фьялбьёрн Драуг.

Борт был всего шагах в трех. И вроде бы с той стороны никакие голоса не слышались. Йанта быстро скинула плащ: в воде только помешает. Рванула одним прыжком к борту, вторым взлетела на широкий край, глянула с него вдаль. То ли кажется, то ли и правда впереди, на самом горизонте, туманная полоса. Ох, не доплыть... Но лучше так, чем стать чьей-то забавой. Она вдохнула поглубже и оттолкнулась изо всех сил, чтоб не оказаться под мерно движущимися веслами.

Море ударило по ногам плотной, почти твердой водой. В этот раз она ушла совсем не глубоко и сразу вынырнула, будто снизу толкнула огромная невидимая ладонь. С корабля что-то кричали, потом сбоку мелькнул ком сети, но Йанта увернулась, жалея, что в воде проклятые веревки не подпалишь. Нырнула, проплыла, сколько смогла, забирая в сторону, чтоб не попали неводом второй раз: под водой ее не очень-то разглядишь. Но с волнами творилось что-то неладное. Они крутили ее, не давая отплыть от корабля, заворачивались водоворотом, выталкивали наверх.

Ругнувшись про себя, Йанта вынырнула, глотнула воздуха, сложила ладони, творя магическое лезвие... Показалось, что снизу поднялась взбесившаяся толща воды, ударила жуткой волной, подкинула, как щепку, — и забросила прямо в развернувшуюся на воде сеть.

Сжавшись в комок, заставляя себя не барахтаться, чтоб не запутаться еще сильнее, Йанта полоснула сотворенным лезвием по ячейкам, почти успела вывалиться, но азартно оружие моряки Фьялбьёрна оказались быстрее — и она опять вылетела на палубу под крики и хохот. Перекатилась в неводе, содрала обрывки, поднимаясь на одном колене. В глазах темнело от ярости: ладно же, сами напросились...

— Что, ярл, стареешь? — прозвучал немного поодаль странный шипящий голос. — Раньше от тебя девы в море не прыгали. И добычу ты по два раза не ловил. Неужто новую подстилку приглядел? Так она вроде еще живая, для твоего корабля не годится. Впрочем, с тобой это ненадолго...

* * *

Фьялбьёрн насторожился, на миг забыв о девушке. Воздух над палубой задрожал зыбким маревом и словно сгустился, несколькими шагами дальше из него соткалась костлявая сторбленная фигура. Пряди длинных черных волос обрамляли лицо и живыми водорослями спускались на грудь, такую же неестественно белую, с мерзким синюшным оттенком, как и все остальное обнаженное тело. Взгляд, словно у мертвой тухлой рыбы, почти ласково огладил вытянутую из моря девицу. Этого еще не хватало! Когда враг, которого преследуешь, является сам — это точно не к добру.

— С каких пор веденхальтии^[4] настолько потеряли страх, что приходят прямо на мой корабль, Вессе? — холодно спросил Фьялбьёрн.

Вместо ответа водяной улыбнулся, и ярлу показалось вдруг, что горло сдавливают чужие руки. Моряки замерли на месте. Фьялбьёрн нахмурился — творилось что-то неладное.

Ничего не говоря, Вессе продолжал недвусмысленно пялиться на спасенную:

— Хороша подстилка, ярл. Живая, горячая, долго продержится...

Он повернулся к другу:

— Давно не тревожил ты моих вод, капитан «Линорма», вот я и решил посмотреть, как поживает старый знакомый. А заодно спросить: правда ли Гунфридр велел тебе затравить

меня, словно кита?

— Насчет подстилок тебе виднее, полагаю, — неожиданно ядовито ответила девица.

От Фьялбьёрна не ускользнуло, правда, как четко очерченные темные брови сошлись в линию, и девушка зябко повела плечами. Как там ее имя? Йанта? Замерзнет ведь. Надо было в каюту ее вести, а не на палубе лясы точить... А девица продолжила с той же невинной ядовитостью:

— Выглядишь так, словно об тебя год вытирали ноги, заходя в придорожную харчевню. А вот на большее вряд ли кто-то польстился. Может, на это и злишься?

Команда плеснула хохотом и предположениями, на что именно обижается Вессе. Но даже признанные зубоскалы что-то были не в ударе, будто тревога, витавшая вокруг Фьялбьёрна, передалась и им. А спасенная, не обращая внимания на выкрики, сделала маленький шаг к стоящему рядом Лираку и что-то шепнула. Моряк кивнул и, вынув из-за пояса простенький нож с костяной ручкой, отдал ей.

— Ах ты... — зарычал веденхальтия, с места жуткой лягушкой прыгая к девчонке.

Мир остановился. Воздух вдруг стал тягучим и плотным. Фьялбьёрн рванул наперерез, но все стало как в дурном сне, когда хочешь — и не можешь шевельнуться. Так, словно и «Линорм» с командой, и сам друг вмурованы в огромную ледяную глыбу, и бессильная ярость топит лед, но не успевает...

За пару мгновений до того, как белесый ком тела веденхальтии коснулся палубы, а взбешенный Фьялбьёрн смог скинуть оцепенение и двинуться с места, что-то дрогнуло. Лед оказался льдом не для всех. Мелькнул белый рукав тонкой рубашки — девушка, вытащенная из моря, подняла перед собой руку и наотмашь резанула ладонь. Несколько слов незнакомого языка упали тяжелыми камнями — по спине Фьялбьёрна пробежали мурашки. Веер алых брызг, не долетев до палубы, вспыхнул слепящим пламенем. И в этом пламени, озарившем, казалось, даже море вокруг, друг увидел, что весь «Гордый линорм» опутан нитями чар веденхальтии. Пламя перекинулось на них, летя от одной нити к другой, сжигая, уничтожая, превращая в пепел. Вессе с проклятьями начал отступать, но спасенная повелительно указала окровавленной ладонью — и ало-золотым клинком пламя метнулось вслед, окутывая веденхальтию с ног до головы.

С душераздирающим воплем Вессе выпрыгнул за борт. И мгновенно мир стал прежним. Гомонила вокруг команда, тревожно и зло выясняя друг у друга, что случилось и чем закончилось. Никто и разглядеть ничего толком не успел! Фьялбьёрн же восхищенно смотрел на стоявшую перед ним девицу. Ворожея! Да еще какая! Вот так запросто сжечь чары веденхальтии и выгнать его самого! И это что же такого придумал Вессе, что вся команда не могла двинуться с места. Разве что Лирак устоял да сам Фьялбьёрн. Но мертвый ярл сильнее всех вместе взятых, а его помощника хранит собственный секрет.

Послышались крики одобрения, а ворожея обвела всех затуманенным взглядом. Еще несколько мгновений назад в глазах бесновался черный огонь, будто кто костер из Мрака развел, но сейчас в ее зрачках было пусто. На палубу с волос и одежды стекала вода, с ней смешивалась кровь из ладони и с лезвия ножа. Девушка сделала неверный шаг, покачнулась и рухнула на палубу, разметав длинные черные косы.

— Щупальца кракена в глотку! — выругался Фьялбьёрн, подлетая к ней и опускаясь на колени. Ну и вид! Золотисто-смуглое лицо девчонки теперь заливала землистая бледность, похлеще, чем у гадины водяного, а грудь вздымалась часто-часто, будто ворожее не хватало воздуха.

Все-таки накрыло силой веденхальтии! Проклятый Вессе, поймать бы да сломать пополам! Ничего, будет еще у них встреча... Но это все потом, а с ней что делать? Дыхание все прерывистее и тише. Госпожа Смерть уже готова накинуть на нее покрывало!

— Совсем плохо, — покачал головой нахмуренный Лирак, подтверждая то, что ярл видел и так. — Не выкарабкается...

Подхватив девушку на руки, Фьялбьёрн быстрым шагом направился в каюту.

— Быстро отыщи Тоопи, — бросил через плечо, — пусть варит свой глёт^[5]. Тут немало его понадобится.

— Да, мой ярл!

Фьялбьёрн не оборачивался, он знал, что Лирак выполнит все как надо. Еще и сам проверит, все ли верно сделал непутевый кракен.

Распахнув дверь ногой, драуг внес свою почти бессознательную ношу в полутемную каюту. В нос ударил запах трав и дерева, потоки силы ластящимися зверьками метнулись к своему хозяину.

Уже не один век каюта «Гордого линорма» была сердцем и душой корабля, местом, куда стекалась жизненная сила от всех существ, по какой-то причине попадавших на корабль. Ее можно было как забирать у врагов, так и отдавать друзьям. А вот попасть в число тех или иных — это надо было постараться. Слабых Фьялбьёрн считал не врагами, а добычей, а близких... Сложно было стать близким для мертвого ярла живого корабля. Но порой случались и исключения. Как, например, сейчас. Вытащенная из моря ворожея, считай, спасла «Гордый линорм». Не то чтобы сами не справились, но это было бы долго и, вероятно, с потерями. Спасла слишком высокой ценой! Чары веденхальтии выпили из нее столько жизни, что теперь помочь девушке можно было одним-единственным способом — и не самым приятным, если вот так, с ходу.

Фьялбьёрн как смог бережно уложил ворожею на постель, рванул завязки на ее тонкой рубаше. Черные, будто агаты южных торговцев, глаза недоуменно расширились.

— Что ты... — голос звучал хрипло, еле слышно.

— Потерпи, — бросил Фьялбьёрн, приподнимая ее и стягивая рубашу через голову. Девчонка попыталась его оттолкнуть, но куда ей было. — Приятного мало, — терпеливо сказал Фьялбьёрн, — но другого выхода нет. Потерпи. Если ничего не сделать, Госпожа Смерть уведет тебя с собой.

Ворожея нахмурилась, еле слышно охнула, когда Фьялбьёрн рывком стащил с нее тонкие кожаные штаны.

— Я передам тебе часть жизни корабля.

Он огладил широкими ладонями лежавшую перед ним девушку — обессиленную, измученную, жаждущую сбежать, да только где силы взять?

Пульсирующий поток жизни хлынул из стен каюты в сердце ярла, понесся к ладоням — к живому телу под ними, чтобы согреть, утешить, напоить.

— Нет... не надо, — упрямо мотнула головой девчонка, закусив нижнюю губу.

На мгновение Фьялбьёрн залюбовался. Даже такая, с едва теплящейся искрой жизни, гостья была дивно хороша. Тонкая в стане, с изящно круглящимися бедрами... Кожа, как зрелый янтарный мед, только небольшую грудь совершенной формы венчают розовые соски, да внизу нежного плоского животика темнеет полоска... Такую бы красавицу уложить на постель и до рассвета не выпускать. И чтоб по согласию отдавалась — просила и умоляла не останавливаться.

Разозлившись на себя за мысли не ко времени, он сильнее, чем следовало, сжал плечи девушки. Послышалось сдавленное оханье.

— Прости, другого способа нет, — шепнул Фьялбьёрн, прежде чем впиться в побелевшие сухие губы девчонки.

Ворожея уперлась ладошками в его плечи и тут же опустила их — слабая попытка отстраниться провалилась. Ничего, сейчас... Потерпи... Руки ярла ни на мгновение не останавливались, лаская и прижимая к себе девушку. Там, где касались его ладони и пальцы, потоки жизненной силы нежно обтекали тело и проникали прямо в него, поя силой и жизнью, лаская мягче пуха. Непокорная ворожея все еще пыталась как-то возмутиться, едва шевеля губами, но Фьялбьёрн лишь рыкнул и, сжав оба ее запястья одной ладонью, пригвоздил руки над головой, не давая шевельнуться. Огладил бедро, резко отвел в сторону, вжимаясь всем телом, одним долгим сильным движением входя в горячую тугую плоть. Увидел потерянный взгляд — черные глаза смотрели мимо, ничего не видя, нижняя губа закусена, еще чуть-чуть — кровь брызнет.

Острая жалость заставила на мгновение замереть. Утбурд!^[6] Нельзя же так! Девчонка помогла кораблю, а ее швыряют на ложе капитана и почти насилуют. Фьялбьёрн сцепил зубы. Но и по-другому не выйдет! Только телесное слияние даст ей силу «Линорма» так быстро, как нужно!

— Расслабься, — шепнул он на ухо девушке, все же отпуская ее руки и мягко поглаживая по волосам, шее, плечу. — Иначе никак, слышишь? Иначе я бы не стал...

Выгнувшись, та хрипло вскрикнула и попыталась сжаться, но Фьялбьёрн, медленно двигаясь в тугий жаркой плоти, крепко прижал девушку к себе, продолжая оглаживать, успокаивать и отвлекать, виновато шепча, что придет в голову.

Мощные потоки целительной мощи входили в пораженное смертельной магией тело с каждым толчком, наполняли, оживляли, кружили сладостным бесконечным танцем. Боль стиралась лаской, холод растворялся жаром, слабость таяла под напором силы, и Фьялбьёрн сам каждой частицей тела чувствовал это, сливаясь воедино и с кораблем, и с горячим телом под собою.

Все закончилось быстро — тут уж не до собственного удовольствия, а девушке и подавно: ворожея часто и тяжело дышала, сжимая кулаки. Фьялбьёрн убрал с ее высокого лба еще мокрые от морской воды черные прядки и провел по щеке — перелившаяся жизнь радостно ответила, чуть покалывая кончики пальцев.

— Вот и все, — шепнул он. — Сейчас выпьешь горячего...

Едва он договорил, как в дверь что-то поскреблось. Фьялбьёрн вскочил с постели, на ходу натянув штаны, и выскользнул из каюты, прикрыв вход собой — нечего глаза таращить. Кракен Тоопи, сияя, как начищенный медный таз, держал в щупальцах большую деревянную чашу с глёгом, от которого исходил дурман специй, вина и меда.

— Все, как вы велели, мой ярл!

Фьялбьёрн взял чашу.

— Это для девушки, — уточнил и принялся, голова тут же пошла кругом от запаха. — Подойдет?

Кракен пожал плечами, щупальца хлестнули по воздуху:

— А почему нет! Ну, поспит подольше! Щепотку туда, щепотку сюда... И как она? С виду горячая красотка, а... там?

— Скройся с глаз моих, развратник, — хмуро ответил Фьялбьёрн и, открыв дверь, снова

нырнул в каюту.

— Не подходи, — неожиданно раздался глухой голос ворожеи.

Фьялбьёрн замер в нескольких шагах от постели. Девчонка по-прежнему лежала на кровати, только повернувшись набок и прикрывшись покрывалом, но в руках сжимала нож Лирака. Ослабевшие пальцы едва удерживали костяную ручку — все-таки жизнь каюты сможет излечить ее через время — не сразу.

— Послушай, девочка...

— Нет!

Пальцы ворожеи дрогнули, голос был хриплым, но твердым, а в черных глазах ненависть мешалась с предупреждением:

— Не приближайся! Иначе одному из нас не жить...

Фьялбьёрн не изменился в лице. Поставив чашу на столик у кровати, он отошел к большому деревянному сундуку и откинул крышку. Достал изогнутый ярлунгский нож с украшенной бирюзой и яшмой рукоятью, повернулся и протянул девушке.

— Возьми тогда этот. И сталь получше, и заточен самим Кардахом из Ярлунга. С ним будет надежнее. Бери.

Миг — черные глаза смотрели напряженно, недоверчиво, еще чуть-чуть — точно схватит и воткнет в сердце хозяина корабля. Потом в душе девушки будто что-то сломалось. Послышался стук, Фьялбьёрн опустил глаза — на полу лежал нож с костяной ручкой. Но подрагивающие пальцы — красивые, длинные, такие бы целовать — не тянулись к ярлунгскому клинку.

Фьялбьёрн уронил его рядом с ножом Лирака, шагнул к постели и быстро сунул чашу с глёгом в холодные ладошки.

— Пей, это поможет согреться.

Подтянув выше огромное меховое покрывало, сел рядом, укутал незваную гостью, осторожно прижал к себе. Девушка вздрогнула и неожиданно приникла всем телом, будто ища защиты и утешения. Это у него-то... Снова пронзительно и больно потянуло виной — не так он хотел бы отплатить за помощь.

— Ну что ты, — шепнул Фьялбьёрн, обнимая девушку крепче и начиная поглаживать встрепанные волнистые волосы, по цвету не уступающие бархату нарядов Госпожи Ночи. — Все позади. Все будет хорошо. Ты сильная, храбрая, ты все сделала как надо... Больше тебя никто здесь не обидит, обещаю. Все будет хорошо.

Он сам не понимал, почему так говорил. Просто чувствовал, что сейчас это нужно. А еще чувствовал боль и тьму — они плескались в сердце гостьи, — и становилось так тоскливо и холодно, что только и оставалось прижимать ее к себе, мягко укачивая и поправляя меха, чтобы поскорее успокоилась и заснула.

А потом отобрать чашу и снова, не выпуская из рук, прижать к себе, продолжая шептать, касаться губами лица и зарываться пальцами в шелковые пряди. Ворожея больше не сопротивлялась — согревшись, притихла в его объятиях и не двигалась. Через время, прислушавшись к ровному спокойному дыханию, Фьялбьёрн уложил девушку на кровать, но сам не спешил уходить. Так и сидел, перебирая и поглаживая смоль волос, будто время остановилось. И не было вовсе ни моря, ни команды, ни даже самого «Гордого линорма» — только юная ворожея со странным именем.

Глава 2

Не бери плащ у друга

Йанта проснулась далеко за полдень: тусклое северное солнце светило в окно каюты так робко, что разбудить измученную ворожею просто не смогло. Лежа в теплой мягкой меховой постели, пропахшей хозяином корабля и их ночными занятиями, прислушалась к себе. Тело ожидаемо болело, но как-то не всерьез, куда меньше, чем должно было. Мышцы тянуло почти приятной болезненной истомой, но сила, исчерпанная во время боя, снова переполняла ее, а на душе было странно спокойно. Может, в первый раз так спокойно после всего, что свалилось за последние недели. Смерти близких, бои, отчаянное бегство от себя самой — все словно смылось серо-зеленой водой пополам с ледяным крошевом. Аш-Шарам остался за спиной, а Север — почти другой мир. И люди здесь другие. И неизвестно, удастся ли вернуться домой, так стоит ли переживать о том, что осталось позади?

Она потянулась, бездумно глядя в потемневшее дерево потолка над собой. Друг, значит? Живой мертвец? И каюта, работающая, как накопитель силы. И мертвые моряки. С ума сойти! Да если бы она знала, что где-то существует такое чудо, прошла бы весь мир, чтоб найти и пощупать. Ну вот, пощупала. И ее... хм... тоже. Усмешка сама собой растянула губы. Может, не слишком веселая, зато искренняя. А то надоело улыбаться тем, кто был бы рад всадить ей нож в спину, но вместо этого должен кланяться.

Сев на кровати, Йанта потянула свою одежду, аккуратно развешанную на здоровенных оленьих рогах в изголовье. Спустила босые ноги на медвежью шкуру перед ложем, тщательно заплела высохшие волосы в широкую косу, разве что не заколола — нечем оказалось, просто связала пряди на концах между собой. А неплохо у него тут. Чисто, уютно. Только вот сам хозяин... Стоило вспомнить ночное — дыхание перехватывало от тихой злости. С чего он решил, что ее нужно спасать, да еще так? Сама бы очнулась! Не впервой. Подумаешь — чужое заклятие поймала! Если после каждого ложиться под кого попало... Йанта вздохнула. Нет, на обычные вредящие чары это было не похоже, силы вокруг клубились такие, что дух от страха захватывало, а потом она словно ухнула в черную пропасть. И вправду спас? Вот и думай теперь: то ли благодарить, то ли по морде дать. И еще попробуй, дай такому по морде, да на его же корабле.

Поднявшись, она мельком глянула на стену над кроватью, потом присмотрелась внимательнее. Огромная шкура, растянутая на стене, была разрисована не просто узором, а самой настоящей картой. Вот очертания берегов, вот острова, направления ветров и мели. И земли, изображенные на карте, Йанта не узнавала даже близко, хотя дома, в Аш-Шараме, видела карты далеких северных пределов. Куда же ее занесло? Неужели сила талисмана оказалась столь велика, что не просто пересекла пространство, но и открыла дверь в совсем другой мир?

Натянув чистое и сухое — неужели кто-то позаботился? — она толкнула дверь каюты, и в лицо ударил, сразу пронизывая насквозь, ледяной ветер. Да, ее хлопковая рубашка и тонкие штаны не для здешних мест. И кожаные чуваки — тоже. Йанта глубоко вдохнула, посылая силу в кровь, заставляя согреть тело. Прошла к борту, оперлась о него ладонями, вглядываясь в серую муть, далеко в которой разливалось багровое марево заката. Зима, дни короткие... Холод обжег лицо и шею, зацепил уши и пальцы на ногах. Она жадно дышала упоительно пьянящим ветром, в котором слышался запах соли, воды, чего-то еще. Все же северное море

пахнет совсем иначе, чем на юге, а она никогда не глотала холод, от которого по спине дрожь и руки тянет развернуть в крылья, взмыть вверх над бесконечным серебряным простором...

На плечи опустилась мягкая теплая тяжесть — Йанта непонимающе оглянулась. Друг подошел совершенно бесшумно, просто возник рядом, возвышаясь над ней. Оперся на толстое полированное бревно борта, посмотрев в ту же хмурую даль. В распахнутом ворота грубой холщовой рубахи виднелись плиты грудных мышц.

Она чуть не сбросила плащ раньше, чем успела сообразить, замерла, чудом сдержавшись, только спина закаменела под тяжелой темно-синей тканью. Это просто плащ! Здесь другие земли, здесь не ведают, что означает, когда мужчина накидывает плащ на женщину вот так: с плеч на плечи, еще теплый от чужого тела и на глазах у всех. И почему теплый, кстати? Ведь друг же, нечисть.

От плаща пахло хозяином корабля — Йанта даже в мыслях избегала называть его по имени — точно так же пахло море, и небо, и ветер, то треплющий волосы, то ласково перебирающий их, как делала это чужая рука ночью. Она недовольно повела плечами, но упрямый плащ, весь во владельца, только лег плотнее, не сковывая движений, но облекая и принося к телу.

— Выспалась?

Голос хозяина корабля был спокоен и учтив, с едва заметной тенью то ли насмешки, то ли чего-то еще.

— Вполне, — сдержанно ответила Йанта, не застегивая круглую серебряную фибулу, не запахиваясь от ветра в чужое нежеланное тепло и вообще старательно не замечая, что это такое случайно оказалось на ее плечах. — Благодарю за гостеприимство. Можно ли узнать у славного ярла, куда идет его корабль?

— Обычно — куда я велю, — хмыкнул друг, словно случайно придвигаясь чуть ближе. Едва заметно, но ближе. — Сейчас вот отслеживаем твоего вчерашнего знакомца. Как найдем — так и за твою обиду заодно отомстим, не сомневайся. А ты куда-то торопишься... госпожа ворожея? Или гостеприимство не по нраву?

Издевается. Точно издевается. Ну-ну... Йанта улыбнулась, не поворачиваясь к другу.

— Когда окажется не по нраву, ты, ярл, узнаешь об этом первым. Но если гость задерживается больше, чем велит учтивость, это в укор ему, а не хозяину. Если берег недалеко, я бы предпочла не обременять твой славный корабль дольше необходимого.

— Выдержит, — усмехнулся друг, кладя руку ей на плечо, словно ничего естественнее и правильное быть не могло. — Успокойся, ворожея. Что было — то было, а неволить не стану. Не дергайся, говорю. Или снова за борт прыгнешь?

— Руку убери, — совершенно ровным и бесцветным голосом произнесла Йанта. — Иначе — как придется. Могу прыгнуть, а могу и остаться. Только тебя это не порадует.

Чайки, кружившие над парусами, вдруг опустились ниже, пронзительно и тоскливо крича что-то о бесконечном море и холодном ветре. А может, просто показалось, что тоскливо? Друг руку убирать не спешил, но и скинуть ее не давал: широкая ладонь лежала на плече с той же тяжелой и мягкой уверенностью, с какой хозяин корабля делал вообще все. А рядом был выступ фальшборта, не дающий отступить вбок, и решать надо было сейчас. Вот прямо сейчас, не иначе. После мягкой постели, в которой ей дали спокойно отоспаться, после горячего глѣга и щедро льющейся из сердца корабля силы, после вчерашних восторженных криков команды во время ее драки с непонятной тварью и после не самой худшей ночи, что могла случиться с незнакомцем, — надо решать. Море ледяное, берег

неизвестно где, но за гостеприимство — пусть и такое странное — боем не платят. Только вот покорной подстилки, что расплачивается телом за кров и еду, из нее тоже не выйдет.

— Утомонись, — уронил друг, словно читая ее мысли. — Никто тебе зла не желает. Или обидел вчера?

— Нет, — проговорила Йанта, с трудом шевеля отчего-то непослушными губами. — Не обидел. Не настолько я дура, понимаю, что ты хотел как лучше. Но сейчас...

— Сейчас — тебе решать, — закончил за нее ярл корабля мертвецов. — Сказал же, что не буду неволить. Пойдем в каюту. А то у тебя уже губы синие.

— Неправда! — возмущенно буркнула Йанта, вскинувшись, и поймала усмешку в единственном глазу друга. Вдохнула глубоко, успокаиваясь, и поняла, что напряжена, как тетива. В каюту? Где только переступи порог и накатит память о вчерашнем? Где ярл будет не просто у себя дома, а в средоточии силы корабля? Много ты делала глупостей, Йанта Огнецвет, но эта не из последних. А Фьялбьёрн отступил, легко роняя руку с ее плеча, повернулся и пошел, не оборачиваясь, не допуская и мысли, что его ослушаются. Что и говорить, хорош ты, ярл.

Ступая следом, глядя в широченную спину, на которой при шаге волнами переливались мышцы, она понимала, что и вправду — хорош. Такой не испугается ни твоей силы, ни магии, с ним можно отпустить себя на волю...

В каюте было уже темно. Друг зажег свечи, просто махнув в их сторону рукой, — Йанта оценила, как радостно слушается его корабль, — кивнул на кровать.

— Сидеть больше не на чем, — уточнил, видя, что она явно колеблется.

Вытащил из сундука в углу пузатый кувшин с узким вытянутым горлышком и пальцами отломил сургучную пробку. Плеснул в кубки, не то с вечера оставшиеся на столе, не то вымытые и принесенные снова, пока ее не было. Точно, принесли, вот и мясо копченое на тарелке крупными ровными ломтями, лепешки и сыр... Это когда же она ела в последний раз? Да дня два назад, не меньше. И откуда еда на корабле мертвецов и призраков?

Присаживаясь на кровать в паре шагов от хозяина корабля, Йанта все же замаялась. И снова, почувствовав ее колебания, друг просто подвинул ближе к ней кубок с пряно пахнущим вином, налил себе...

— Откуда ты пришла? — спросил, спокойно глядя ей в глаза и лениво откинувшись на стену у изголовья. — Я не видел корабля, с которого ты могла бы свалиться и доплыть до моего «Линорма». Или такие, как ты, падают с неба? Говоришь с незнакомым выговором, плетешь волосы, как девица, но одета по-мужски и так легко — из постели выпустить страшно, не то что из каюты. Так откуда же ты такая взялась, ворожея, вставшая против ужаса морей?

Вопросы ярл задавал понятные и правильные — Йанта и сама бы на его месте озаботилась. Странная чужачка посреди ледяного моря... Да еще влезшая в чужую драку. И вот что ответить? Что в Аш-Шараме не принято стоять сложа руки, когда тебя оскорбляют? Что магический дар женщин не уступает мужскому, а нрав настолько крут, что все давно привыкли? Но это Аш-Шарам, город огнепоклонников и властелинов теней; город, где не зазорно иметь нескольких жен или мужей. Но среди других народов не принято распространяться про Аш-Шарам — никогда не знаешь, как отзовется собеседник на упоминание о городе колдунов.

Фьялбьёрн смотрел спокойно, но это было спокойствие океана, неизмеримо глубокого и способного с легкостью поглотить чужую силу. Йанта вздохнула, скинула плащ, аккуратно

сложив в изножье кровати, взяла кубок.

— Это долгая история, ярл. И я действительно издалека. Не с корабля, ты прав, но и не с неба. Просто — издалека. Могу лишь поклясться, что я не враг и не соглядатай твоих врагов. Ужас морей? Вчера я увидела его впервые, как и тебя. А что ударила — это просто со злости. Сам же помнишь...

— Помню, — усмехнулся друг. — Да ты пей, не отравлю. Пей и ешь — мои люди постарались для гостыи из живых: ты славно вчера позабавила их боем. И что теперь? Уйдешь, как появилась, из ниоткуда в никуда?

Йанта пожалала плечами, поднеся кубок к губам. Осторожно глотнула. Сладко,пряно и довольно крепко. Не вчерашний чудо-глёг, но на пустой желудок пить не стоит... Положила жирное мягкое мясо на лепешку и прикрыла второй, чтоб не пачкать пальцев, откусила. Друг терпеливо ждал, пока она поест, задумчиво качал вино в широченной ладони. Почувствовав, что сыта, Йанта снова отпила, поставила кубок на стол, глянула в глаза мертвого ярла: ком льда и живое око.

— Было бы куда идти — в море бы вчера не кидалась, — сказала она спокойно. — Не думай, что я не благодарна за помощь, ярл, но вряд ли нам по пути. Если расскажешь об этих землях и поможешь добраться до ближайшей, буду благодарна еще сильнее. И отслужу, чем смогу. Только чем смогу, а не чем угодно.

— Земли, к которым идет «Линорм», тебе не понравятся, ворожея, — скупое усмехнулся друг. — Там я бы высадил разве что злейшего врага. Значит, вернуться домой ты не можешь?

— Пока не могу, — уточнила Йанта, глядя мимо друга в окно, за которым стояла плотная тьма.

Дома — смерть. Дома — враг, который только и ждет, когда она окажется в его руках. Спит и видит, как положить на жертвенный камень и провести ритуал, чтобы выпить всю силу. Да и сможет ли она вернуться домой, даже добравшись до суши? Незнакомые очертания созвездий в ночном небе подсказывали, что догадка насчет другого мира была верной. Значит, пути назад нет.

Корабль тихо покачивало на волнах, «Линорм», или как там его, шел к неизвестным берегам, и ей, в сущности, было все равно куда. Мало она видела странных и опасных мест? Дома ее никто не ждет, да и нет больше ни дома, ни дороги к родным местам. А здесь, в каюте, было тепло, и свечи бросали отблески, заливая фигуру ее собеседника мягким теплым золотом. Вот же угораздило попасть на корабль к такому странному ярлу.

— Тогда оставайся, — обыденно просто предложил Фьялбьёрн. — Корабельная ворожея мне пригодится, особенно такая, что не страшится силы веденхальтий. Не скажу, что будет просто и безопасно, но если вернешься из нашего похода живой, сможешь сойти, где захочешь и с щедрой наградой.

— Остаться — кем? — уточнила Йанта, не без сомнений снова поднимая кубок с вином к губам. — Только ворожеей?

Сладкая пряность обволокла небо и язык, согрела изнутри. Нет, она не замерзла, огненная кровь холода не боится. Но с горячим питьем сидеть было куда приятнее.

— Любишь южные вина? — вместо ответа улыбнулся друг.

Все так же покачивая своим кубком, он не сводил с нее глаз, глядя жадно и жарко. Жарче, чем горел огонь в маленьком очаге в углу... Отблески свечей за ее спиной дрожали в его живом зрачке. Йанта снова вдохнула, чувствуя, как по телу бежит дрожь, хотя только что было тепло. Нет, тепло никуда не делось, но... Она ответила прямым взглядом на взгляд,

разомкнула губы:

— Я много чего люблю, ярл. Но речь не об этом. Ты обещал, что я могу выбирать. Если встану и уйду прямо сейчас — кем я останусь на твоём корабле?

— А ты хочешь уйти? — поинтересовался друг.

Миг — и он оказался рядом. Словно перелился по постели, стремительно и плавно, не давая отшатнуться или вскочить. Йанта замерла, глядя в пугающе спокойное лицо снизу вверх, — ладони друга обманчиво мягко легли на плечи. Легли — и придавили, словно вся морская пучина колыхалась над ними.

— Ты обещал, — сквозь зубы напомнила она.

От друга пахло морем. Солью, силой, криками чаек и бездонной тоской, глубиной и мощью и, совсем немного, кровью. А может, это все-таки была просто соль — ведь и кровь, и море солонны почти одинаково. Голова кружилась от этого запаха, а тело таяло и молило о продолжении — так хотелось почувствовать эту чужую мощь, раствориться в ней, расслабиться и отдаться.

— А ты скажи, что не хочешь меня, — насмешливо шепнули губы в полутьме. — Если поверю — отпущу.

Йанта молчала. Что можно сказать, если голос мгновенно выдаст все несказанное? Если хочется не отбиваться, а приникнуть ближе, прижаться к этой живой скале, коснуться узких хищных губ. Плевать, что не человек и вообще по сути мертвец — в ярле Фьялбьёрне жизни ощущалось больше, чем в дюжине простых людей. И лицо его было совсем рядом, а огромные ладони медленно гладили спину, и Йанта едва не всхлипнула, чувствуя их через тонкую ткань рубашки едва ли не острее, чем было бы без нее.

— Маленькая глупая ворожея, — шепнуло море напротив. — Чего ты боишься? Я не обижу.

— Я не боюсь, — отчаянно огрызнулась Йанта, не позволяя притянуть себя еще ближе и понимая, как глупо это выглядит. — Просто не хочу — так. Я колдунья и воин, а не наложница!

— Го-ордая, — одобрительно рыкнул океанский прибой. — Это хорошо. Гордая, сильная, горячая... И опасная, как тонкий южный клинок. Иди ко мне, ворожея. Я не потушу твой огонь.

Сухой жар ладоней — ну что же он горячий такой? — широких, невероятно сильных и нежных, гладящих ее уверенно и неторопливо. Встрепанные серебристо-серые волосы — пряди перехвачены ремешком, чтоб не лезли в глаза. Шрам — каков он на ощупь, если коснуться губами? — нельзя, рано. Йанта рассматривала друга, словно видела в первый раз. Не просто друга — Фьялбьёрна. Вот же... в постели и не выговоришь! Разглядывала, не позволяя себе утонуть в желании и понимая, что не сдалась еще лишь потому, что ей это позволяют.

— Нет, ярл, — сказала она из чистого упрямства. — Я не хочу — так. Я не твоя игрушка. Возьмешь силой — пожалеешь.

Подняла тяжелые руки, чтобы оттолкнуть, но ладони вместо этого легли на плечи-валуны, и подумалось, как бы самой обнять и пройти по широченной спине кончиками пальцев, чтоб вздрогнул и прижал сильнее. Да что же это за наваждение такое?!

— Я не беру силой, — насмешливо прошелестел прибой в ее ушах. — Я просто беру свое.

И губы, пахнувшие солью, прижались к ее губам. Йанта мгновенно забыла, целовались ли

они вчера, потому что это все равно было как в первый раз. Горячо, остро, слаще южного вина, вкус которого еще хранили губы их обоих. Коротко и недовольно рыкнув, друг все же притянул ее ближе, уронил одну ладонь на бедро, прижимая к себе, и, едва оторвавшись, снова впился в губы.

Забыв о том, что собиралась сопротивляться, Йанта прижалась к широченной груди, обхватила плечи, на которых ее ладони казались совсем узкими и маленькими, вдохнула полной грудью запах. Что, все? Вот так? Притиснули тебя — и сдалась? Мысли путались, как у пьяной, изнутри поднималась обида на саму себя, не на друга. Холодная злая обида... Растаяла, поддалась, растеклась лужицей. Стоило пыжиться, если готова лечь под первого встречного! И снова, будто почуяв что-то, друг оторвался от ее рта, заглянул в лицо.

— Что? — спросил хрипло.

Вместо ответа Йанта еще сильнее стиснула губы, понимая, что, если заговорит — ничего хорошего из этого не выйдет. Да пусть уже берет. Подумаешь — еще одна ночь. А утром все-таки придется уйти. Уж лодку даст, наверное? Если та земля не почудилась — она доберется.

Но вместо продолжения ярл отстранился от ее покорного и млеющего тела, только руки все так же гладили спину, не останавливаясь, не давая вздохнуть свободно.

— Глупая... — шепнул Фьялбьёрн насмешливо и ласково. — Глупая, глупая девочка. Что ты себе напридумывала? Ты не игрушка, ты огонь в ночи. Хмельной мед, отравленный клинок...

Пальцы друга легли на волосы, распуская плетение кос, перебирая, и Йанта всхлипнула, понимая, что проиграла. Раскаленные волны катились по телу, плавя его, и кожа горела под ладонью, скользнувшей под ее рубашку.

— Отпустить, говоришь? — шепнул ей друг в самое ухо, касаясь мочки губами. — Таких, как ты, силой не держат — себе дороже. У тебя в сердце тьма и боль, я чувю их. Кровь за спиной, кровь впереди... Забудь все — иди ко мне. Поделись болью... Или уходи — но сама.

Судорожно вздохнув, Йанта подалась вперед, отчаянно прижалась к сухим жестким губам. Поцеловала, раскрывая рот, провела языком по нижней губе Фьялбьёрна и почувствовала, как напрягается под ее ладонями и без того каменная спина. Да, вот так. Это не ты меня берешь, это я сама выбираю быть с тобой. И руки на теле, и пальцы в волосах — выбираю я... Хотя волосы — это уже лишнее. Совсем лишнее...

Подчиняясь жадным, но странно неторопливым касаниям, она позволила стянуть с себя рубашку и штаны, оставшись обнаженной, — восхищенный взгляд друга гладил ее почти так же ощутимо, как до этого ладони. Покорно легла на постель, чуть согнув и раздвинув колени. Но вместо того, чтоб просто взять предложенное, Фьялбьёрн опустился рядом, сгреб ее в объятия, прижимаясь всем телом, покрывая поцелуями лицо, шею, плечи... Гладил, ухитряясь достать длинными руками везде, и не просто достать, а пройти по самым чувствительным местам, потом остановился.

— Раздень меня, — то ли попросил, то ли приказал, откровенно любуясь, едва не облизываясь.

Йанта подалась навстречу, помогла стянуть рубашку и штаны. Гольный, Фьялбьёрн выглядел так, что любой победитель аш-шарамских боевых школ при храмах мог удавиться от зависти. Ожившая скульптура гениального мастера: ни капли лишнего, безупречно сложенное тело, перевитое канатами мышц и сухожилий. Ох, хорош... До чего хорош!

Что-то, видно, все же мелькнуло у нее то ли в глазах, то ли на лице, потому что по губам Фьялбьёрна скользнула улыбка. Стоя над ней на коленях, он окинул снова опустившуюся на постель Йанту медленным взглядом снизу вверх — и встретился глазами.

— Счастлив край, где рождаются такие, — сказал негромко, склонив голову на плечо. — Жаль, что ты гостя, а не добыча.

— А что было бы? — настороженно поинтересовалась она.

— Не выпустил бы из постели целую луну, — хмыкнул друг. — А потом дал бы прогуляться по палубе и опять затащил в постель.

Глядя в глаза Фьялбьёрна, Йанта всей сутью почувствовала, как что-то дрогнуло между ними и, натянувшись до предела, лопнуло, отпуская напряжение. Губы сами собой раздвинулись в улыбке.

— А выдержишь столько, ярл? — невинно поинтересовалась она, томно, напоказ потягиваясь, забросив ладони за голову. — Да и кораблем надо управлять хоть иногда...

— А ты проверь, — ухмыльнулся Фьялбьёрн. — И мой корабль не твоя забота.

Сам так же медленно опустился сверху, давая возможность перекатиться, уклониться, но Йанта лежала спокойно, расслабленно, и в глазу Фьялбьёрна снова мелькнуло одобрение.

— Кто только тебя такую создал? Какие боги? — перенеся часть веса на локоть, шепнул он в ухо, опалая дыханием. — Позови. Скажи, что хочешь. Что сама хочешь.

— Хочу, — тихо отозвалась Йанта, уткнувшись подбородком между плечом и шеей друга. — Не торопись только... Хочу тебя чувствовать — всего. Хочу быть твоей. Хочу...

Она только вздохнула глубоко, до самого предела наполняя легкие, когда горячая тяжесть все же придавила сверху. Обняла, погладила камень спины, плеч... раскрыла навстречу губы, расслабляясь, отпуская себя, ловя волну, которая подхватила и понесла, взмывая высоко, к самому хмурому северному небу...

А потом была тень страха, которую быстро смыло удовольствие сначала от умелых бережных пальцев, потом от медленного властного проникновения внутрь. Боги одарили ярла Фьялбьёрна мужской плотью щедро, но Йанта заставила себя расслабиться, подчиниться... И напряжение ушло, вытекло, оставив такое же тягучее послевкусие, что смешалось с наслаждением от того, что творил с ее телом дорвавшийся друг. Его ладони доставали везде, приподнимая, поддерживая, лаская и стискивая, и в какие-то моменты у Йанты появилось безумное, но четкое ощущение, что их дюжина, а не две. Точно, не меньше дюжины!

— Сильнее, — попросила она, заглядывая в лицо Фьялбьёрна. — Не бойся...

И океан нахлынул неудержимо, заполняя весь мир вокруг солью на сухих губах, солью на влажной коже. Забурлил вокруг водоворотом чужой силы, сливаясь с ее собственной, и не было в этом ни страха, ни обиды — только желание брать и отдаваться. Рот — горячий, все еще пахнущий пряным вином, руки — сильные, властные и нежные, тело — невозможно, сумасшедше желанное... Фьялбьёрн Друг, мертвый ярл живого корабля, был везде и всем, был целым миром, и в этом мире хотелось остаться навсегда.

Потом она лежала, уткнувшись в плечо Фьялбьёрна, пока ее косы, все-таки распустив плетение, лениво и расслабленно перебирали чужие пальцы. Вот же... понравилось. Ладно, пусть. И правда, после того, что было, убирать волосы, не позволяя дотронуться, — глупо. Это — Север. Здесь не знают, что это ласка не для случайных любовников, что проще разделить с кем-то ложе, чем позволить вот так запустить пальцы в длинные пряди, похозяйски их перебирая и глядя. И плащ здесь — всего лишь плащ. Йанта улыбнулась про себя

— даже губы растягивать было лень. Знал быял, что, накинув плащ с себя на ее плечи, сделал брачное предложение. Пусть... Здесь все иначе.

— Ну, и кем же ты останешься со мной, ворожея? — бесцеремонно прервали ее размышления.

Йанта, приподняв голову, взгляделась в безупречно невозмутимое лицо. Вздохнула, опять укладываясь на плечо:

— Сам решай. И хватит уже звать меня ворожеей, у меня имя есть.

Закрыла глаза и провалилась в теплую кольшущуюся тьму, сквозь сон чувствуя, как ее продолжают потихоньку гладить и перебирать волосы.

Глава 3

Призрачный шторм

Поздний зимний рассвет еще не тронул неба золотисто-розовыми лучами, когда Фьялбьёрн выбрался из постели. Никогда он не любил утром подолгу валяться на ложе, но сегодня пришлось заставить себя встать. Очень уж уютно было в ворохе шкур, накануне тщательно вычищенных и проветренных Тоопи, а главное, так сладко обволакивало живое тепло спокойно спящей рядом ворожеи...

Натягивая рубашку, Фьялбьёрн довольно ухмыльнулся и посмотрел на девушку внимательнее. Хотя и выглядит здоровой, но купание в северном море не шутка, да и пришлось ей в последнее время непросто — чего один бой с веденхальтией стоит. Пусть набирается сил, сон — лучший лекарь. Это на земле женщины встают рано: ни скотница, ни ткачиха, ни жена дроттена^[7] не разрешат себе допоздна нежиться в постели, когда день полон забот. А он может позволить своей женщине выспаться всласть. Своей ли?

Он-то выбор сделал, но, говоря, что таких не держат силой, не лгал. Только не стал уточнять, что вообще никогда не брал женщин без их согласия и желания. Силу надо показывать врагам, а не дарительницам жизни и лучшему ее украшению. И пока жил жизнью смертного, всегда хватало дев и жен, готовых с радостью согреть его ложе, а потом... Жар плоти ушел вместе с дыханием, вкусом еды и вина, слабостью человеческих чувств. Это была цена за бессмертие, и Фьялбьёрн заплатил сполна.

О нет, женщины остались доступны. Но много ли радости видеть в девичьих глазах страх и покорность судьбе? Те, что смотрели иначе, встречались реже, чем сухие камни на дне моря. А эта не боялась. Ни прыгнуть в штормовое море, ни дерзить живому мертвецу, ни целовать так отчаянно, будто умрет без вкуса его губ. И вправду, Огнецвет. Нежный и жаркий цветок пламени. Йанта — имя-то какое! Сладкое, но горчит пряностями южных торговцев. Чего только не выловишь в море! И красива, маргюгрова^[8] дочь! Остаться или уйти, спрашивала. Нет уж, с «Гордого линорма» так просто не уходят. И хоть это было не совсем правильно, но такую гостью отпускать Фьялбьёрн не собирался.

Друг нахмурился, вспомнив, куда они идут. Эх, подальше бы от проклятых берегов потерявшего разум веденхальтии. Только спорить с Гунфридром сейчас не время, Морской Владыка и так будет недоволен, что его воин упустил вчера того, с кем сам должен был искать встречи. Лови теперь Весе по всему бескрайнему морю и думай, как одолеть. Кажется, огненную ворожею Фьялбьёрну сами боги послали, если вспомнить, как она противостояла водяному. Ну и Гунфридр обещал прислать средство, способное помочь в бою.

Наклонившись и подхватив штаны, он не удержался — провел пальцами по рассыпавшимся по подушке черным волосам. Коса, конечно, хорошо. Но так смотришь — и хочется прикоснуться. А то и вовсе запустить пальцы в шелк прядей и сжать покрепче. Мое. Никому не отдам.

Ворожея тихо вздохнула во сне и перевернулась на другой бок. Фьялбьёрн успел мельком заметить улыбку на ее губах. Отогнав желание все бросить, снова забраться в постель и разбудить поцелуями, он быстро натянул штаны и выскользнул из каюты. Пусть отсыпается. Неведомо, что будет впереди.

Предрассветный ветер взбодрил, ласково потрепал по волосам, шепнул, что рад видеть.

Фьялбьёрн довольно потянулся — по телу пробежала приятная дрожь. Мышцы наполнились силой, казалось, можно прыгнуть за борт и легко побежать по морю под хохот плещущих волн. Находиться в каюте, где собрана жизнь для всего корабля, и без того приятно, а с живым человеком — редкая радость.

На палубе появился Лирак. Отчаянно заспанный, на ходу заправляющий одежду и что-то ворчащий про неугомонных хавфрау.

— Что случилось? Идем ко дну? Или гребцы побросали свои весла? — произнес он, едва сдерживая зевок.

Фьялбьёрн повел плечами, наслаждаясь чувством щекочущей силы, и сложил руки на груди. Солнечные лучи уже робко касались неба, еще немного — и их свет плеснет прямо в Гунфридровы воды, озаряя все вокруг.

— Чем ты недоволен? Какая хавфрау спать не давала?

— Да супруга приплывала, — буркнул помощник.

Закутался в плащ, бросил быстрый взгляд на каюту, потом на своего ярла:

— И как же наш... улов?

Фьялбьёрн хмыкнул. Интересно, что было бы, услышь Йанта такое словечко о себе? Ходить Лираку с подпаленным задом?

— Богатый улов, — кивнул он. — Редкий. Только еще не ясно, откуда взялся.

— Скрытный, значит, — определил Лирак.

— Наш ярл умеет раскрывать тайны, — донесся голос Халарна.

Палубу этот верзила драил старательно, но почему-то как раз рядом с ними и едва не шевелил ушами от любопытства.

— Маргюгровы языки, — бросил Фьялбьёрн. — Займитесь работой. День предстоит тяжелый.

Он отошел от моряков, продолживших бурно обсуждать достоинства вчерашнего улова. Уперев руки в бока, остановился возле борта и, прищурившись, всмотрелся вдаль. Если Вессе смог нагло заявиться на корабль, легко с ним не будет. Уронив сквозь зубы проклятие поганцу-водяному, Фьялбьёрн глянул в небо. Бездонное, бескрайнее. А вот у моря есть и дно, и берега. И нет перед ним страха, потому что ничего плохого из моря прийти не может. А небо — оно неверное, непостоянное, как лазурь в глазах хавфрау, — тут тебе ласка и нежность, а тут раз — только гром и молнии. И подарочки у неба соответствующие. Ворожея не иначе же оттуда пришла! Хоть и говорит, что не с неба упала.

На губах мимо воли снова появилась улыбка. Падать ей теперь в другом месте — на застеленную шкурой постель у очага, к нему в руки. Хотя бы до тех пор, пока сама не захочет уйти. А захочет...

Сверху донесся залиvistый клич — смех да свист ветра. Серебряная искра вспыхнула на фоне сереющего полотна небес и понеслась к Фьялбьёрну. Через несколько мгновений белоснежные крылья с мягким шелестом сложились за спиной, а перед мертвым ярлом, сияя чешуей серебряного доспеха, гордо стояла валкара^[9]. В серых глазах искрилась надменность, но на губах играла дружелюбная улыбка. Русая коса отливала золотом спелой пшеницы, на поясе висели множество ключей и короткий меч. Хороша Астрид — ключница небесных дверей, правая рука Эльдрун — предводительницы валкар. В руках Астрид сиял причудливый сосуд, походивший на стеклянную узкую бутылку.

— Бескрайних просторов, ярл Фьялбьёрн, — произнесла валкара приятным хриплым голосом. — Пусть не знает бед твой «Гордый линорм».

— И тебе чистого неба, Астрид Ключница, — улыбнулся он уголками губ. — Что привело тебя к нам в столь ранний час?

— Гунфридр велел. Старик видит все. Вот и сказал разузнать, что за дар неба оказался у тебя на корабле.

Фьялбьёрн нахмурился. Уж чего-чего, а отказываться от девушки или, не приведи северные боги, делиться ее силой, он не собирался. Самому пригодится!

— Что упало, то пропало, — буркнул он. — Знаешь, Астрид, сказ о Маргюгровой Пучине?

Валкара не изменилась в лице, но в глазах зажглись лукавые огоньки. То ли ожидала, что ярл ничего так просто не отдаст, то ли была с ним согласна.

— Где пропадают драккары, а души моряков плавают по поверхности на гребнях волн? Только никто их не может отыскать?

— Угу, — кивнул Фьялбьёрн, сцепив руки за спиной и подходя к борту. — Вот, считай, «Гордый линорм» и есть та пучина. К тому же, — он посмотрел на валкару, — коль вам там на небе что-то сильно нужно — нечего вниз кидать.

Астрид тихо рассмеялась:

— И как тебя только Гунфридр терпит?

— Как надо, так и терпит, — буркнул Фьялбьёрн, вглядываясь во что-то, блеснувшее среди ключей на поясе валкары.

— Не наших это рук дело, — покачала головой Астрид, — не наша и вина, чем бы ни обернулось. Только помни договор, ярл. Не тебе ходить по путям живых и греть мертвую кровь их теплом. От краткой забавы вреда не будет, но берегись — то, что других лишь обжигает, тебя сожжет.

— Не пугай, — тихо сказал Фьялбьёрн, в упор глядя на небесную деву, и та, вздохнув, опустила взгляд, протягивая ему сосуд.

Фьялбьёрн внимательно осмотрел вещь.

— Что это?

— Обещанная тебе помощь. Гунфридр велел передать это Морскому народу. «Гордый линорм» иначе не пройдет к обители Весе.

Фьялбьёрн внимательно смотрел на пояс валкары, обдумывая сказанное:

— Наш Владыка еще не отказался иметь дело с этими прохвостами?

Повеление откровенно не нравилось, но против Гунфридра не попрешь. Если надо, значит, надо. Морской народ гостеприимен, но больно уж скользкий и приставучий.

Астрид пожала плечами:

— У него спроси. Но Эльдрун дала задание нагнать вас и отдать. Остальное — не ко мне.

Она расправила крылья, но Фьялбьёрн шагнул и коснулся ее руки. Астрид недоуменно воззрилась на него.

— Погоди, дочь ветра.

Пальцы друга скользнули к связке ключей на ее поясе и достали из-под них гребешок удивительной работы.

— Продай мне это.

Гребень был вырезан искуснейшим мастером из кости морского змея, покрыт золотом и серебром, украшен черным жемчугом и кусочками матово-белых бромдов — камней, ведомых любому магу как лучшее средство для сохранения здоровья. И красота, и польза!

— Зачем тебе? — недоуменно нахмурилась валкара. — Это подарок, мне его принесли вихри — Вирвельвиновы дети. У людей такого не сыскать.

— Знаю, — кивнул Фьялбьёрн. — Поэтому и прошу. Взамен возьмешь из моей сокровищницы что захочешь.

Астрид открыла было рот, чтобы возразить, и замерла, услышав хлопанье двери, что вела в каюту. Воспользовавшись ее замешательством, Фьялбьёрн аккуратно подцепил гребешок и, сняв его с пояса валкары, опустил в карман, слыша каждый шаг своей ворожеи. Усмехнулся, глядя на обиженное лицо Астрид — хоть и валкара, а все одно дева. Какой же из них понравится отдать любимую безделушку другой?

Повернулся, делая шаг назад и вбок, чтобы ворожея увидела валкару, сказал равнодушно: — Это Астрид, наша небесная гостья. Заглянула узнать, хорошо ли у нас идут дела.

К чести Йанты, изучающий взгляд валкары она выдержала, даже бровью не поведя, а ведь сильные воины, бывало, отводили глаза. Только выпрямилась еще сильнее, прежде чем учтиво склонить голову. И тут же снова застыла. Два взгляда — серебряно-серых глаз и угольно-черных — скрестились, словно клинки.

— Рада знакомству, госпожа Астрид, — разомкнула чуть припухшие спросонья губы ворожея. — Меня зовут Йанта Огнецвет.

По спине Фьялбьёрна второй раз за недолгое время пробежали мурашки — так давно забытое чувство, что он не сразу вспомнил, что это. Астрид не сводила глаз с Йанты, та уже удивленно поднимала брови, но тут молчащая валкара встряхнула головой и улыбнулась слишком сладко, чтобы в это поверилось.

Ох, что-то не то творилось на его корабле. Но Астрид хоть пытай — без разрешения своей Эльдрун слова не вымолвит. И, значит, невод надо тянуть с другого конца.

— Эй, Лирак! — гаркнул Фьялбьёрн так, что Астрид и Йанта разом вздрогнули и разорвали связь взглядов.

— Иду! — донесся снизу крик, тут же сменившийся топотом.

Из трюма поднялся Лирак, бросил взгляд на валкару и гостью, от Фьялбьёрна не ускользнула появившаяся на его губах усмешка.

— Да, мой ярл?

— Разыщи Тоопи — пусть шевелит щупальцами, иначе из кракена он у меня станет каракатицей! И проводи прекрасную дочь ветра к сундукам — она возьмет любую вещь, которую пожелает.

А потом пусть поскорее проваливает отсюда. Хоть вслух и не сказал, но, казалось, сам воздух зазвенел этими словами.

Астрид нахмурилась еще сильнее, но как-то удержалась, не стала говорить, что хозяин корабля — невежливая свинья. Гордо вскинула голову и, взяв предложенную Лираком руку, последовала за ним.

Йанта сдвинула тонкие брови, глянула удивленно-насмешливо:

— Ты всегда себя так ведешь с гостями?

Драуг пожал плечами. От незваных гостей — одни хлопоты. Вместо ответа он подошел к ворожее и осмотрел ее с ног до головы.

Та не двинулась с места, только в глазах мелькнуло замешательство. Однако настолько быстро, что можно было и не заметить.

— Выглядишь куда лучше, — довольно произнес Фьялбьёрн, обойдя вокруг.

Хорошо хоть плащ накинула — нечего по морозу в рубахе и штанах шастать. А волосы

снова убрала в две широкие косы, только ветер все равно играл короткими прядями на макушке и висках, и хотелось протянуть руку и пригладить их.

Фьялбьёрн склонился к плечу девушки и вдохнул свежий запах полыни. Вот закроешь глаза — будто и не плещет рядом бездонное море. И голова идет кругом от дурманящей нотки мускуса. Или как его там? Пахнет так от купцов с Востока и Юга, вечно привозящих какие-то диковинки.

Чуть слышно фыркнув, ворожея повернула к нему голову.

— Я не съедобная, — бросила лениво. — Принюхиваться и облизываться не стоит.

— Действительно, — довольно ухмыльнулся Фьялбьёрн, выпрямляясь и глядя прямо в черные глаза, — зачем есть, если с тобой можно делать куда более занятные вещи?

Нежное смуглое личико так и осталось невозмутимым, однако от Фьялбьёрна не ускользнул нехороший прищур. Но через миг на красиво очерченных розовых губах расцвела улыбка — Весенняя красавица, и та обзавидуется.

— Хороший у тебя корабль, ярл, — а вот голосом Йанты можно было порезаться, — раз на нем ничего и делать не надо, кроме занятных вещей. А с кем же до меня...

Фьялбьёрн нахмурился. Воспоминания заставили зануть давно мертвое сердце. Он хмуро свел брови, недобро глянул на по-прежнему улыбающуюся ворожею.

— Иди в каюту. А то завтрак остынет, — резко сказал он, взял сосуд — дар валкары и развернулся на каблуках, направляясь к носу корабля.

Нехорошо вышло. И самого будто маргюгры по душе царапнули, и девчонку обидел. Напряженную тишину развеяли хриплые напевы Тоопи, шествующего к каюте с громадным подносом в руках:

Привечала кракена
Девица с Ванахена.
Кракен отбыл за моря,
Но с девицей был не зря:
За столом теперь сидят
Сорок восемь кракений!

Фьялбьёрн все же не удержался и бросил взгляд через плечо. Ворожея застыла каменным изваянием, уставившись на повара. То ли никогда не видела человека с щупальцами, то ли просто такой еще не приносил ей еду.

* * *

День протек суетно и хлопотно. Коварные подводные скалы забирали много внимания, корабль шел медленно. Небо хмурилось, срывался мелкий дождь, ветер пробирал до костей. И если Фьялбьёрну было все равно, то Лирак все время ежился и проклинал погоду.

— Проклятый шторм, — пробормотал он. — Вот что ему стоило начаться чуть позже, когда мы будем в крепости повелителя Морского народа?

Фьялбьёрн смотрел на затянутое тучами небо, прислушивался к песне ветра. Потом вздохнул:

— Плохой шторм. Ждать в гости призраков.

Лирик поморщился:

— Да сожрут их Морские Псы! Почему эти отродья не последовали за сгинувшим Хозяином Штормов?

Фьялбьёрн неопределенно пожал плечами, бросил взгляд в сторону каюты — ворожея больше не показывалась. С одной стороны, это было хорошо — там безопасно и тепло, с другой — если она нашла свитки с древними заклятиями хавманов^[10], то как бы не попробовала. Тогда уже будет все равно — появятся призраки или нет, и без того станет весело.

— Ваятель, что творит из камня образ правителя, тоже уходит в никуда, но сделанная им статуя остается в веках.

— Сравнили, — фыркнул Лирик. — Там красота, а тут такая гадость...

— У каждого свои понятия о красоте, — пожал плечами друг. — Сегодня не шастай по палубе. Разрешаю вам с Тоопи напиток.

— Я не девица, чтобы падать в обморок при виде призрака, — вспыхнул моряк, но тут же прикусил язык, встретившись с холодным взглядом своего ярла.

— Вот и умница, — спокойно произнес Фьялбьёрн. — Меня не беспокоить. Эту ночь пусть бодрствуют Халарн и Матиас.

Лирик молча кивнул и побежал выполнять приказ. Фьялбьёрн еще некоторое время смотрел на небо, а потом, послав ему парочку проклятий, направился к каюте. Сегодня не та ночь, когда гостью можно оставлять одну.

В каюте горели свечи, по всей постели валялись раскрытые книги с пожелтевшими страницами. Друг потянул носом. Раньше здесь всегда царил запах трав и дерева, но теперь к нему еще примешивались едва различимые нотки мускуса. Ворожея, лежа на животе, изучала потрепанный свиток. Она был настолько поглощена чтением, что даже не услышала, как в каюту вошла.

Фьялбьёрн замер, разглядывая девушку: черные брови сурово сведены, нижняя губа закусена и уже припухла, пальцы теребят кончик косы, наматывая тугие завитки. А рубашка и тонкие штаны так облегают тело, выделяя маленький упругий зад, гибкую линию спины, округлость прижатой к постели груди, что в глазах темнеет. Вот уж зрелище — куда такую на палубу пускать? И месяцем в постели, как было обещано, явно дело не обойдется.

— Йанта, — тихо позвал он.

Ворожея подняла голову и взглядела в него. Книжные чары, кажется, ее еще не отпустили, однако спустя миг девушка тряхнула головой и улыбнулась:

— У тебя тут целая сокровищница, ярл.

Перекатившись и сев на постели, она указала на одну из книг.

— Где взял такое чудо? Зеркальные страницы, что отражают душу, — большая редкость. Многие уважаемые маги передрались бы из-за нее.

— Море, — кратко ответил Фьялбьёрн, подходя к постели и присаживаясь рядом. — Море всегда приносит дары.

Он прямо смотрел на ворожею, словно давая понять, что та тоже входит в список этих даров. Однако девица не смутилась, нахально и невинно улыбнувшись в ответ:

— Буду знать, ярл, — и тут же перевела разговор в другое русло: — А куда мы направляемся?

— К островам Морского народа, — ответил Фьялбьёрн. — Нужно кое-что решить с их

повелителем. Он обещал помощь в драке с нашим скользким приятелем Вессе. Островитяне хоть и умудряются жить в мире и с водяными, и даже с самим Янсрундом, соседству такому не рады. Повелителя Холода, конечно, не изгонишь, но хотя бы чем меньше нечисти будет поблизости — тем лучше.

Ворожея потянулась к стоявшему на столике кубку, но не удержалась и подхватила вместо него медовый орех. Фьялбьёрн усмехнулся. Ай да Тоопи, где только взял? Еще вчера было понятно, что гостя кракену понравилась — больно уж шустро он выполнял приказания своего ярла и готовил еду для принесенного волнами подарка моря.

— А что за Морской народ?

За стенами каюты раздался оглушительный гром, следом за ним — пронзительный вой. Фьялбьёрн не шелохнулся. Ворожея замерла и прислушалась, затем посмотрела на него, словно задавая немой вопрос.

— Маргюгровы пляски, — процедил сквозь зубы драуг. — Неприятная сегодня ночька будет. Призрачный шторм за бортом.

— Призрачный шторм? Что это? — повторила девушка, распахнув глаза так, что длиннющие ресницы взметнулись крыльями ночной бабочки. — И насколько он может навредить?

— Посмертный подарок колдуна Спокельсе, — мрачно произнес Фьялбьёрн, — прозванного Хозяином Штормов. И хоть его уничтожили, злая призрачная магия до сих пор витает над морем.

Он вздохнул. Возможно, пронесет в этот раз? Взмахнул рукой — и свечи погасли. Призраки всегда идут на свет. Жаль, что и в темноте видны их мерцающие мутным, будто гнилое серебро, тела. С призраками встречаться не хотелось, даже зная, что они давно — ничто. Но когда ничто обретает черты твоего близкого или любимого человека, шепчет его голосом, тянет руки — становится не по себе.

Новый раскат грома заставил вздрогнуть.

— Йанта... — шепнули шелестящим голосом.

Ворожея вскинула голову, вглядываясь в угол каюты. Там серебрился призрак — стройный юноша, явно не северянин. Тонкокостный, миловидный, в нем было даже больше девичьего, чем мужского. Он медленно выступил вперед. Фьялбьёрн краем глаза следил за ворожеей — та словно превратилась в камень и не отрывалась взглядом от появившегося юноши.

— Йанта... — снова прошелестел голос.

В нем было столько боли и ужаса, что даже драуг вздрогнул. В призрачный шторм приходят только те, кто умер. Что же произошло с парнем и зачем ему ворожея?

— Мы здесь из-за тебя, — выдохнул второй голос.

Возле юноши появился еще один. Постарше и пошире в плечах, но во взгляде столько же боли и какая-то холодная мерзкая ненависть.

— Киран, Аршак...

Показалось, или побелевшие губы Йанты произнесли два имени? Она сидела напряженная, будто не в силах отвести замороженный взгляд. Да будет проклят прах Спокельсе во веки вечные!

Фьялбьёрн обнял девушку за плечи и притянул к себе. Провел ладонями по спине, услышал рваный выдох.

— Это только призраки, — шепнул на ухо, касаясь его губами.

— Здесь... из-за тебя...

— По твоей вине...

— Зачем ты сопротивлялась? Почему не отдалась Салибу сама?

Йанта, тихо всхлипнув, закрыла глаза и стиснула зубы. Тьма, что сочилась у нее из души и памяти в первую ночь, снова подняла гадючью голову — Фьялбьёрн не видел ее, но чувствовал, как голой кожей чувствуют омерзительное прикосновение чешуи. А порождения Спокельсе растянули губы в одинаковой мерзкой улыбке.

— Йанта...

Снова огладив напряженную, как камень, спину, Фьялбьёрн чуть ли не силой уложил девушку на постель. Властно и сильно прижался к губам, не давая ни выдохнуть, ни возразить. Ласкал и гладил гибкое тело, заставляя, приказывая расслабиться. И через какое-то время ворожея дрогнула, ее руки обвили шею Фьялбьёрна, рот приоткрылся шире, впуская, давая возможность целовать крепче и яростнее.

— Не слушай, — выдохнул драуг в раскрасневшиеся губы, провел по ним языком. — Их нет, ничего нет. Только я и ты. Эта каюта принадлежит только нам.

Йанта прижалась было ближе, но вдруг черные глаза расширились, а лицо побледнело, совсем уж как у мертвой. Глухо вскрикнув, она изо всех сил рванулась в сторону, отпрянула, продолжая смотреть неверящим взглядом. По телу прошла дрожь, будто девушка увидела что-то ужасное, но глаза ее не отрывались от него, Фьялбьёрна.

— Мирин... — то ли вздох, то ли мольба.

Откуда такой страх? Откуда чужое имя и взгляд, которым ворожея на него не смотрела даже в их первую ночь? Слово видит она не его!

Ничего не понимая, Фьялбьёрн скосил глаза на лежащую рядом книгу с зеркальными страницами. Посмотрел внимательнее и... замер. Не одноглазый драуг, а смуглый незнакомец смотрел в ответ. Глаза — что черные солнца, нос породистый, с горбинкой, черты лица — сокол благородный: и хищный, и красивый. Только есть что-то нехорошее в этой красоте, словно красивая маска прикрывает гнилое нутро. Но... разве может быть оно иным у создания Спокельсе?

Фьялбьёрн тряхнул головой, лицо незнакомца осыпалось пеплом в зеркале. И снова услышал призраков:

— Это ты виновата...

— Твой огонь нес смерть...

— Ты же знала!

Уже не обвинение — утверждение и почти проклятие. И голос новый, с хрипотцой, но глубокий, страстный — слушать бы и слушать.

Только бездонная пугающая чернота глаз ворожеи не давала времени на раздумья о призраках. Не теряя времени, Фьялбьёрн выдернул широкую ленту, служившую закладкой в зеркальной книге, сгреб в охалку жалобно пискнувшую девушку и завязал ей глаза.

— Так будет лучше, — снова шепнул на ухо и погладил по шелковистым прядям, начиная распускать плетение и пропуская их через пальцы. — Ничего не бойся. Это только сон. Страшный гадкий сон о тех, кто ушел. Но это не они сами...

Не переставая говорить, Фьялбьёрн стянул с ворожеи всю одежду, уложил слабо отбивающуюся девушку на постель и принялся покрывать поцелуями лицо, плечи, шею и снова что-то неслышно шепчущий рот, оглаживая ладонями высокие упругие холмики груди, осторожно сжимая и потирая пальцами соски.

А когда первые стоны заглушили неистовый шепот призраков, его ладони спустились по груди и животу к округлости бедер, пальцы коснулись нежной горячей щелочки между распухших, налившихся жаром и повлажневших потаенных губок. Скользнули внутрь, глядя шелковистую скользкую глубину, заставляя стонущую девушку выгибаться на постели и впиваться ногтями ему в плечи.

Призраки по-прежнему шептали и шипели, но в мире, сузившемся до полынного дурмана, смуглого золота кожи и дрожащих стонов «еще-еще», не было им места. Ни сейчас, ни потом, когда, тяжело дыша и всхлипывая, расслабленная ворожея прильнула к Фьялбьёрну. Друг накинул сверху легкое песцовое покрывало, прижал девушку к себе, мягко поглаживая по волосам.

Некоторое время он лежал, не шевелясь и прислушиваясь к тишине каюты и дыханию Йанты. Но призраков больше не было. Их место — горе и одиночество, чувство вины — их хлеб. Здесь же им дорогу закрыли.

— Доброй ночи, девочка, — шепнул он и поцеловал девушку в висок. Потом осторожно потянул с ее глаз ленту. Провел по темному шелку волос, наслаждаясь теплом, запахом, влажной нежностью кожи прижавшейся к нему Йанты и едва не жмурясь от удовольствия. Коснулся губами ее лба и улыбнулся, услышав тихий выдох. Прижал крепче и шепнул:

— Пусть твои сны будут спокойными.

Снова ударил гром, но Фьялбьёрн знал, что призраки больше не вернуться.

Глава 4

Острова на горизонте

Выплывая из тяжелых плотных волн сна, качавших ее ночью, Йанта всем телом ощущала тепло. Не духоту, столь частую у нее дома, не жар, от которого сохнут губы и постоянно хочется пить, а именно тепло: правильное, уютное, кутающее в себя тело и душу. Так бывает, когда вокруг прохлада, а ты лежишь под мягким одеялом, как раз настолько плотным, чтобы разнежиться, наслаждаясь дремой.

Боясь спугнуть это чувство, она не шевелилась, слушая, как поскрипывают доски корабля, шумит ветер за окном, перекрикиваются моряки на палубе. Вроде бы все спокойно. Шторм пронесся, оставив глухой отзвук боли: она-то думала, что уже пережила эти смерти, спрятала их в тайник памяти на строго отведенное место — и пошла дальше. Но призраки казались такими настоящими. Умом понимала, что это лишь воспоминания, вытщенные штормом и воплощенные с великим, но извращенным темным искусством. Не настоящие души! Но то рассудок...

Вздохнув, она повернулась на живот, прижалась щекой к подушке из плотной парусины. В Бездну шторм и его призраков. Под одеялом было так расслабленно-хорошо, что тело расплывалось киселем и хотелось раскинуться по постели, одновременно чувствуя негу чистой свежей ткани снизу и пушистого меха сверху. Йанта снова вздохнула — и замерла. Пока она ворочалась, одеяло сползло с плеч — и их, обнаженные, погладила уверенная шершавая ладонь. Ох... Память вспышкой высветила все, что случилось в шторм: как ее, расклеившуюся, будто капризная испуганная девчонка, утешал и нежил этот... Да уж... Грозная огненная ворожея — саму спасти пришлось.

— Сладко спишь, — насмешливо шепнул ей в ухо знакомый голос, и тут же сбоку прижалось огромное твердое тело. — Спи дальше, мне нравится...

Подтверждая слова, драуг ладонью провел по спине, спустился ниже. Уткнувшись в подушку, Йанта вспыхнула, чувствуя, как мозолистые твердые пальцы гладят ее ягодицы, спускаются к бедрам. А ночью эти пальцы между ее ног казались куда нежнее. И если уж на то пошло, ее случайный любовник, успокоив ворожею, сам остался... хм... Йанта снова вздохнула. Поздновато разыгрывать невинность. Да и приятно же... Фьялбьёрн... Его зовут Фьялбьёрн. Нечисть, наглец, капитан самого странного корабля, который... Вот, кстати!

— У тебя необычный корабль, — сказала она, повернув голову и встречаясь взглядом с драугом. — Он будто живой.

— Живой и есть, — хмыкнул драуг, не переставая гладить ее, словно кошку: плечи, ложбинку позвоночника, поясницу. — У тебя чутье, ворожея. А что еще необычного учуяла?

Ну, пусть будет ворожея, раз ему нравится. Так даже проще и спокойнее — знать, что он видит в ней не женщину, а полезное приобретение для корабля. И постель этому совсем не мешает.

— Тебя, — выдохнула Йанта. — А разве у ярла с утра нет дел на палубе? — поинтересовалась она больше для приличия, едва сдерживаясь, чтоб не выгнуться под ласкающей ладонью, и услышала:

— Ты мое дело сейчас. Важнее — нет.

И вот как с ним разговаривать с таким? То ли смеется, то ли всерьез... Бесстыжая ладонь скользнула между бедрами, потянула одну ногу на себя. Йанта резко вдохнула и

длинно выдохнула, уткнувшись лицом в подушку. Опираясь на локоть, друг прижался животом к ее боку, зарылся лицом в волосы, потом медленно лизнул шею сзади. Снова и снова... то вылизывая, то целуя, то прихватывая зубами — осторожно, нежно и уверенно. По телу поплыли горячие сладкие волны, Йанта вцепилась пальцами в мех под собой и едва удержалась, чтоб не раздвинуть ноги еще сильнее.

— Скажи что-нибудь, — шепнул друг в ухо, ловя его мочку губами, проходя языком по краешку.

— Что, месяц... уже начался? — полноценно съязвить не вышло, голос все-таки предательски дрогнул.

— Одним не отделаешься, — весело пообещали ей сверху, окончательно откидывая одеяло.

Воздух после уютного мехового кокона облил кожу холодом. Йанта протестующе дернулась, но тяжелая ладонь придавила ее между лопаток — не грубо, однако увесисто. А потом губы друга вернулись к местечку за ухом, прошлись по шее неторопливой цепочкой поцелуев, пока кончики пальцев вырисовывали спирали и круги вниз и вверх по позвоночнику... Хотелось стонать. Только не в подушку, а в раскрытые губы — и чтобы целовал, как делал это раньше, с той же спокойной, тяжелой силой и уверенностью, что ему не откажут. Йанта напряглась, сильнее прижимаясь к постели животом и едва заметно выгибаясь. Кожа спины, на которой не осталось ни одного не обласканного местечка, пылала, а друг снова принялся гладить ей изнутри бедра, не переставая целовать в шею. Когда пальцы скользнули глубже и выше, к самой промежности и внутрь, где уже было горячо и мокро, Йанта вцепилась зубами в подушку, чтобы все-таки не стонать. Просто так, из упрямства.

— Ты как лучшая флейта, что я слышал, — шепнул ей снова в ухо друг. — Серебряная, из сказаний про юного фоссегрима...^[11] Коснуться губами — отзываешься всем телом. Сыграешь для меня?

И, не дожидаясь ответа, потянул, разворачивая к себе. Покорно повернувшись, Йанта закрыла глаза, прижалась всем телом, уткнулась лицом в сухое горячее плечо. В живот ей упиралась возбужденная плоть, и от предвкушения повело, скрутило сладким спазмом, когда Фьялбьёрн, просунув руку между их телами, приласкал ее лоно, а потом откровенно потерся об него. Шелковистая кожа его мужского орудия, грубоватая, жесткая — пальцев. Контраст был таким ярким и правильным. Проклятье, да в нем все было правильным: запах моря от кожи и волос, узкие требовательные губы, валуны плеч... Не прекращая дразнить пальцами уже изнывающее лоно Йанты, друг уложил ее спиной на постель, вплеп пальцы свободной руки в волосы, колено просунул между бедрами. И все это медленно, словно исследуя... Он и правда настраивал ее, будто диковинный музыкальный инструмент, слушая, как отзывается под пальцами и губами чужое тело. И Йанта открыла глаза, глянула в нависшее над ней лицо, пьянея от накатывающих волн удовольствия. Поерзала, ложась удобнее, и обняла бедрами раздвинувшее их колено. Облизала губы, поймав восхищенный горячий взгляд...

— Я лучше флейты, — шепнула, улыбаясь. — Она может только отозваться, но не станет играть сама...

И для начала потянулась к обветренным губам на странном, таком непривычном лице. Коснулась легонько и, не давая прижаться сильнее, качнулась назад лишь затем, чтобы провести кончиком языка по нижней губе любовника. Хочешь сыграть? Ладно, буду флейтой. Но не только ты умеешь играть на флейте чужого тела, Фьялбьёрн Друг... И снова — к

губам.

В этот раз отодвинуться уже не вышло. Прижав ее затылок ладонью, друг ответил, раздвигая языком губы, лаская их изнутри, толкаясь вглубь. Все с той же мучительной неторопливостью окончательно завалил на постель, лег сверху, опираясь на локти по обеим сторонам плеч Йанты. Оторвался от губ... Посмотрел. Все это было так, словно они давние любовники, знающие друг друга до самых укромных уголков, самых тонких откликов тела. Так, словно они привыкли просыпаться в одной постели и вот так ласкаться, заботясь друг о друге больше, чем о себе.

Пытаясь отдышаться, Йанта смотрела в странные глаза: такие разные, но одинаково необычные. Узкий подбородок, орлиный нос, четко и правильно очерченные губы, что только что целовали ее. Шрам, уродующий красивое гордое лицо. И седые волосы, выбеленные то ли временем, то ли бедой.

— Что, нравлюсь? — услышала насмешливый шепот, несколько мгновений с трудом осознавая его смысл.

— Нет, — ответила она совершенно честно и добавила, глядя в мгновенно темнеющий грозой взгляд: — Когда нравятся — все иначе. А я, кажется, просто с ума сошла. Знаю же тебя всего ничего...

— Вороже-е-ея, — непонятым тоном протянул Фьялбьёрн и хищно ухмыльнулся. — Придется узнать получше.

Склонился, повел дорожку поцелуев от виска к уголку губ и, не касаясь их, снова к другому виску. Потом все-таки поцеловал в губы, глубоко, сладко, властно. Йанта, подчинившись, сама ласкала языком чужой язык и простонала рот в рот, когда пальцы чуть отодвинувшегося друга снова толкнулись внутрь. Впрочем, толкнулись совсем легко, не пытаясь проникнуть вглубь, лишь намекая. И тут же Фьялбьёрн руку убрал, снова проведя по ее раскрывшемуся, готовому принять его лону своей возбужденной плотью, дразня, почти издеваясь.

— Давай уже! — взмолилась Йанта.

Нетерпеливо подалась навстречу. Раздвинула ноги, согнув в коленях и подтянув повыше. Но друг не торопился. Снова погладил пальцем, затем, через пару минут томительно-сладких ласк внутри, добавил второй... Йанта облизнула губы, глядя в каменное лицо сверху. Только глаза жили на этом лице, причем оба: один смотрел в явном мире, другой — в магическом. Потянулась, обняла одной рукой за плечи, второй обхватила ниже. Погладила бугрящиеся под ладонями мускулы. Ахнула, когда жесткие, но ласковые пальцы задели самое чувствительное местечко, задержались там, нежными медленными движениями заставляя изнемогать от волн удовольствия.

— Как ты хочешь? — шепнул Фьялбьёрн, гуляя умелыми губами по подставленному ею с готовностью горлу. — Так или на животе?

— Все... равно, — выдохнула Йанта. — Только... скорее.

Усмешку друга захотелось стереть с губ то ли оплеухой, то ли поцелуем — и она выбрала последнее. Прижалась, плавясь в широких надежных ладонях, притиснутая к постели, напряженная, как тетива перед выстрелом. Всхлипнула, чувствуя, как раздвигается ее плоть, но легкое неудобство тут же исчезло, смытое ощущением восхитительной наполненности.

В этот раз опять все было иначе. Не лихорадочно-горько и страшно, как в первый раз после боя, когда ее не любили, а спасали. Не безумно-отчаянно, когда во второй раз она

пришла сама, чтоб заглушить тоску чьими угодно поцелуями, лишь бы рядом был хоть кто-нибудь. И даже не так, как было этой ночью: нежно, почти целомудренно — снова лекарством, а не любовью. Сейчас Фьялбьёрн, пожалуй, впервые брал ее по-настоящему. Медленно, очень медленно, давая привыкнуть, распробовать чужое тело, как до этого вкус поцелуев. Толкался внутрь до самого конца, замирал там на высшей точке полноты и еще медленнее скользил обратно, почти выходя наружу.

Вцепившись пальцами в каменные плечи, запрокинув голову, Йанта сначала кусала губы, чтобы молчать, потом и этого не смогла, потому что на каждом невозможно медленном толчке ее целовали, скользя между стиснутых губ кончиком языка, раскрывая их так же, как ее плоть внизу. Первый стон вышел приглушенным, а потом она сорвалась, уже в голос вскрикивая при каждом толчке и поскуливая на обратном движении. Если это могло на что-то быть похожим, то разве что на волны, качающие их прямо сейчас вместе с кораблем. Бесконечный прибой, раскаленный, тягучий, выбивающий дыхание вместе со стоном. Если бы друг хоть раз толкнулся быстрее и сильнее, как ей теперь хотелось, все закончилось бы в тот же миг, но он тянул, не позволяя достичь вершины страсти слишком быстро — и за это Йанта одновременно ненавидела его и была безмерно благодарна...

— Мне нравится... как ты... стонешь, — послышался рваный шепот у ее губ. И это оказалось последней каплей.

Вскрикнув, Йанта выгнулась, бесстыдно обхватывая ногами спину, качающуюся над ней в такт волнам. Выстанывая что-то невразумительное, извивалась в пределах той крошечной свободы, что позволили чужие руки, губы и тело. Насаживалась сама, изнемогая, теряясь в прибое сладких судорог, накрывших с головой, пока одна из них не скрутила ее целиком, так, что в глазах потемнело и воздух вокруг закончился.

Когда излился друг, она даже не поняла. Просто очнулась, лежа в его объятиях, мокрая, беспомощная, хватаящая ртом воздух. По внутренней стороне бедер стекало горячее, каюта пропахла ими обоими и тем, что в ней происходило, и это было совершенно правильно и восхитительно.

— Воды, — прошептала Йанта пересохшими губами. — Воды, полотенце, и где же ты такой раньше был, чтоб тебя...

Вместо ответа Фьялбьёрн протянул ей маленький кувшин, стоявший до этого у кровати. Подождав, пока напьется, плеснул остатками воды на полотенце, висящее у изголовья, парой умелых движений стер семя с ее ног, вытерся сам. Так же, не говоря ни слова, опять сгреб в объятия. Лежать, ощущая его всем телом, расслабившись и только сейчас полностью отдавшись, было странно и непривычно. Опять же, в прошлые разы ей либо было не до удовольствия, либо она засыпала сразу, как оглушенная, едва достигнув высшей точки. Пошевелившись, Йанта устроилась удобнее, положив подбородок между плечом и шеей любовника, обняла, прижалась, чувствуя, как ее волосы гладят и перебирают свободной рукой, пока вторая не дает отодвинуться — да она и не собирается, кстати.

— Спасибо, — сказала негромко и уточнила несколько мгновений спустя: — За шпорм...

Вместо ответа друг только обнял ее крепче, зарылся лицом в волосы.

— Можно спросить?

— Попробуй, — коротко отозвался Фьялбьёрн.

— Там, на палубе, когда я спросила, с кем ты был раньше, — не стоило, да?

— Да, — еще короче уронил друг.

— Прости, — вздохнула Йанта, касаясь губами ямки на плече. — Мне жаль, правда...

— Мои призраки не приходят в шторм, — сказал драуг, и по голосу Йанта поняла, что его губы тянет злая усмешка. — Не знаю, к добру это или к худу. Пока нет призрака — есть надежда. Но от этого не легче.

— Они же не настоящие, — помолчав, то ли сказала, то ли спросила Йанта. — Не могут это быть они...

— Конечно, нет. Это только боль и вина, которые шторм тянет наружу из души. Сама поняла или почувствовала?

Йанта ухитрилась пожать плечами.

— Никто из них не сказал бы мне такого. Ни в одном из них не было... гнили. И если бы я могла уйти вместо любого...

— Да, — уронил драуг, крепче прижимая ее к себе. — Я верю.

Потом она все-таки задремала. И уже сквозь сон слышала, как корабль все сильнее качает из стороны в сторону, как, мягко и осторожно разомкнув объятия, драуг отодвигается, шуршит одеждой, как закрывается за ним дверь каюты.

* * *

Ворожея оказалась на палубе часа через три. Фьялбьёрн не сразу ее заметил, разговаривая с плотником о ремонте после шторма. Волны-то в отличие от призраков, были самыми настоящими. Повернулся — и увидел у борта знакомую фигурку. Что-то сказав Лираку и склонив голову, ворожея подала ему нож, и Лирак, ухмыльнувшись, забрал клинок. Дружески хлопнул девушку по плечу и повел куда-то. Надо же...

Впрочем, его небесный подарок неглуп и учтив, отчего бы ей и не поладить с командой. Если, конечно, те чуть придержат языки, а гостя не будет вспыхивать от каждого острого словечка. Хорошо еще, не видит, как плятятся все, мимо кого она проходит. Нельзя осуждать за это ребят — посмотреть есть на что. Легкими шагами ворожея скользила по палубе, словно не касаясь ее. Не ходит — танцует. А смоляную копну снова заплела, теперь в одну широкую косу немного ниже пояса.

Фьялбьёрн вспомнил, как выгибалось в его руках стройное, нежно круглящееся в нужных местах тело, как горела под поцелуями тонкая шелковистая кожа. И как его пальцы расплетали косы, распуская по голым плечам и спине... Передернул плечами, отгоняя видение, от которого сладко потянуло в паху — не хватало еще прямо на палубе всем показать такое. А ворожея опустилась на колени у борта, где при их первой встрече стоял проклятый богами и людьми веденхальтия.

Это уже было интересно. Фьялбьёрн пригляделся. Проведя рукой над палубой, девушка что-то спросила у Лирака и, дождавшись ответа, кивнула. Потом застыла изваянием, только пальцы шевелились, будто вытягивая что-то из воздуха. Если представить, что это нити... Да, очень похоже...

Фьялбьёрн сделал несколько шагов ближе и остановился — ворожея предупреждающе подняла руку.

— Не подходи пока, — уронила напряженно, склонив голову набок. — Следы перепутаю...

На коленях она уже не стояла, а сидела, закрыв глаза и держа руку над палубой, где

Фьялбьёрн, присмотревшись, увидел плохо отмытое темное пятно. Так... драить кому-то палубу вне очереди раз пять.

— Он следилку повесил, ты представляешь? — возмущенно спросила вдруг Йанта, распахивая глаза под длинными пушистыми ресницами. — Я только сейчас заметила! Уходил с дракой, а следилку оставил!

В ее голосе слышалась злость. И еще азарт, хорошо знакомый Фьялбьёрну. Азарт охотника и воина, признающего, что противник в чем-то обошел, достойно ответил на удар. Хороший азарт, правильный.

— Что за следилка? — поинтересовался Фьялбьёрн, подходя.

— Чары такие. Что-то вроде маяка. Он теперь знает, где мы.

Плохо. Очень плохо...

— Снять можешь? — быстро спросил Фьялбьёрн.

— Могу, — усмехнулась ворожея. — А могу усыпить и не просто снять, а оставить где-нибудь. Например, на бочонке, выброшенном за борт, — найдется такой? Пока ваш водяник поймет, что его надурили...

— Это еще лучше, — кивнул Фьялбьёрн. — А если не на бочонке, а на земле? На острове, например.

— Вокруг корабля должна быть вода. Это чары могут распознать. И вряд ли он поверит, что ты вытащил корабль на сушу. Но можно — возле острова.

— Отлично. А услышать нас сейчас он не может?

— Ты думаешь, я бы тогда трепала языком вслух? — возмущенно изогнула тонкую бровь девушка и улыбнулась: — Не может. Я ниточку пережала, прежде чем говорить. Думаю, и раньше не мог, но лучше не проверять. И когда только успел... Кто он вообще такой? Водный дух?

— Позор всех веденхальтий, — буркнул Фьялбьёрн.

Посмотрел на теплый плащ, плотно облегающий плечи, засветившиеся наконец-то живым блеском глаза, нож на поясе, хм... Полы плаща ворожея запахнула небрежно, и на ее плетеном из серебряных колец поясе красовался подаренный в первую ночь ярлунгский клинок. Только сапожки совсем тонкие, не для Севера. Надо ей обувь потеплее найти: сама, похоже, ни о чем не попросит. Одним гибким движением поднявшись, ворожея отряхнула колени. Больше из аккуратности — палубу на «Гордом линорме» начищали на совесть. Вот только пятно.

— Пятно видишь? — повторила его мысли Йанта. — Прикажи, чтоб не смывали пока. Он там свою кровь оставил — может пригодиться. И заклятие в нее же вплетено. Ничего, я с ним еще поиграю. Оставить свою кровь — он и понятия не имеет, сколько всего с ней можно сделать.

Усмехнулась хищно и радостно. Подошла, оперлась руками о борт, стоя вполоборота к Фьялбьёрну. Сказала негромко:

— Там полоска. Острова или тучи?

— Острова, — ответил Фьялбьёрн. — Мы идем к ним.

— Это те, на которых я не захотела бы остаться, а ты — меня оставить?

Голос у нее был легкий, спокойный, но Фьялбьёрн насторожился, словно по воде в ясный день пробежала особая рябь, что предвещает внезапный шторм.

— Еще не те. На этих остаться можно, если поладишь с Морским народом, — сказал равнодушно.

— А я думала, что ошиблась тогда, — пробормотала девушка и пояснила, взглядываясь в море: — Я эту полоску увидела, когда на корабль попала. Но она за три дня ближе не стала...

— Штормом отнесло, — пояснил Фьялбьёрн. И не утерпел: — Так это к ним ты плыть собиралась?

Вместо ответа ворожея фыркнула совсем по-кошачьи, снова усмехнулась, взглядываясь вдаль. Поправила нож на поясе в неплохих, но далеко не достойных такого клинка ножнах — где только раздобыть успела? Повернулась, глянула Фьялбьёрну в глаза надменно, словно дочь конунга, разомкнула губы:

— Я взяла у тебя оружие и плащ, Фьялбьёрн Друг, я ем твой хлеб и делю с тобой кров и тепло. И у меня нет привычки сбегать по-воровски. Если решу уйти — ты узнаешь первым. Но я все еще должна тебе, и этот долг велик. И твоему кораблю с его командой я тоже должна. Посему твой бой — и мой тоже.

Говорила она негромко, разве что Лирак, так и стоящий шагах в пяти, услышал. Но тот, кажется, слышит все и всегда, будто у них с кораблем одни уши на двоих. А вот «Линорм» услышал точно. Палуба под ногами вздрогнула, не сильно, но заметно. А потом ворожея глубоко вдохнула — и длинно, восхищенно выругалась на незнакомом языке. Фьялбьёрн, не понявший ни слова, мог бы поклясться уцелевшим глазом, что ничем, кроме ругательства, это быть не могло — очень уж знакомый тон. Должно быть, люди всех миров ругаются одинаково: что на небесах, что на земле, что на море. И слишком внимательно, совершенно иначе ворожея оглядывала теперь палубу, задерживаясь взглядом именно там, где кто-то из моряков занимался своим делом. Большинство, кстати, эти дела побросало, почуяв дрожь корабля и правильно сообразив, кто виновница. Смотрели на них с Йантой...

— Добро пожаловать на «Гордый линорм» еще раз, — ухмыльнулся Фьялбьёрн. — Похоже, он тебя признал.

— А-а-ага, я заметила, — слегка оторопело согласилась девушка. — Ну, хоть не все кракены...

— И даже друг только один, — в тон ей подсказал Фьялбьёрн.

— Хвала богам, — отходя от удивления, язвительно откликнулась Йанта. — Мне и одного... хм... хватает. Но как?

— Лирак тебе расскажет. Или спроси кого-то из команды, раз уж теперь их видишь.

Фьялбьёрн протянул руку, поправил сбившийся воротник плаща под шелковистой черной косой. Медленно, напоказ. Команда у него зубастая, но даже до самого недалекого теперь должно дойти: девушка — его. А кто не поймет — найдется, кому объяснить. Впрочем, здесь не принято спорить ни с ярлом, ни, тем более, с кораблем, раз уж тот сам решил принять нового члена команды, не дожидаясь воли Гунфридра. Фьялбьёрн и не помнил такого, хотя знал, что бывает. Посмотрим, как ты уживешься на «Линорме», небесное диво. Теперь, когда острова Морского народа все виднее на горизонте.

«Чтоб ты провалился до самого днища, — мрачно пожелала Йанта, глядя вслед удалявшемуся бодрой походкой драугу. — Вроде ж только коснулся, а по коже как разряд ледяной молнии проскочил. Проклятые мертвецы, не разобрать, что у них на уме».

Из-за серых туч пробивалось солнце, корабль мягко покачивался на волнах, моряки сновали туда-сюда, выполняя поручения одноглазого ярла. Сейчас, когда Йанта, наконец, могла их видеть, стало ясно, что команда «Линорма» ничем не отличалась от обычных людей. Разве только чувствовалось, что они давно уже... мертвы.

— Эй, рыбка, не стой на палубе, как Морской Скиталец среди Маргюгровой Пучины, — раздался со спины веселый голос Лирака, — не ровен час, потом и не найдем!

Йанта развернулась и встретилась с взглядом задорных голубых глаз моряка. Тот ей подмигнул:

— В южных краях таких тварей не водится, а у нас — на выбор. Даже капризная ванханенская девица будет довольна.

Йанта про себя усмехнулась. В южных краях тоже водится всякое — уж ей ли не знать. Правда, страшные сказки и побасенки у каждого народа свои, это верно.

— А почему ванханенская и кто такой Морской Скиталец?

Среди всей команды Лирак, во-первых, был живым (кракен не в счет), а во-вторых, на выловленную в море гостью смотрел дружелюбно.

— Тут долго рассказывать. — Лирак наклонился к палубе и подхватил ящик с рыбой. — Так, пойдём, снесем-ка это Тоопи. Он нам чего вкусного выделит, заодно и расскажу все.

Йанта пошла следом, хмуро покосившись на какого-то морячка, бросившего плести канат, чтоб начать подавать Лираку таинственные знаки. Но тот лишь показал непрошеному советчику кулак, пояснив:

— Ты на всех тут внимания особого не обращай. Команду Фьялбьёрну подбирали не по уму, а по несвоевременной кончине.

— А кто подбирал-то?

Взгляды моряков чувствовались так явно, будто по коже шарили невидимые пальцы, но Йанта, выпрямившись и откинув на спину косу, сделала вид, что ничего не замечает.

— Ох, и хороша рыбка, — послышался сзади хрипловатый голос. — Да только зубаста. Нелегко, видно, нашему ярлу в постели-то приходится.

— Ярл таких любит, — хмыкнули в ответ. — Чем зубастей рыбка, тем интересней ловить.

Йанта стиснула зубы, прикидывая, за какой борт лучше выбросить наглецов: за правый или за левый. Однако когда она подняла голову, от тех и след простыл. Бас Фьялбьёрна Драуга доносился с кормы, моряки что-то отвечали ему, но разобрать слова не удавалось.

Лирак начал осторожно спускаться в трюм, Йанта — за ним. Ступеньки оказались крутыми и почерневшими от времени. В нос ударил запах старого дерева со странным мускусным ароматом. Здесь было темно, однако шедший впереди моряк каким-то чудом наступал куда надо. Йанта же хотела было зажечь магический светильник, но передумала — глаза быстро привыкли, и различать предметы стало куда легче. Впрочем, толком рассмотреть ничего не удалось, потому что Лирак, сделав пару шагов, нырнул куда-то в

сторону.

Йанта остановилась, озадаченно рассматривая глухую стену. Ну и местечко! Нахмурившись, она протянула руку и положила на темное дерево, однако ладонь не встретила опоры.

— О! А вот и рыбка! — раздался довольный возглас, и Йанту, не успевшую изумиться или испугаться, ухватили за пальцы, втягивая куда-то.

— Привет, ворожея! — удерживая ящик Лирака руками, кракен отсалютовал ей щупальцем. — Ты не удивляйся, у нас тут все не как у людей.

— Стенку мог бы и открыть ей, — буркнул Лирак.

Он уже примостился на табурете и жевал кусок солонины, деловито заглядывая в кипящее варево в большом котле.

Йанта улыбнулась. Кракен, несмотря на его нахальство, был куда приятнее мертвой команды с их жадными взглядами.

— Ничего, переживу.

Хитро блеснув глазами, кракен хлопнул ее щупальцем по плечу, но Йанта даже не шелохнулась.

— Вот это по-нашему, — восхитился Тоопи, — молодец, ворожея. — Размахивая щупальцами, он деловито двинулся в угол камбуза и поставил еще один ящик с рыбой рядом с тем, что принес Лирак. — Эй, Бро, видишь, какие красотки к нам залетают?

Справа от Йанты что-то громко булькнуло. Она повернула голову и на мгновение онемела: прямо в стене каюты плавал огромный синий осьминог. Он флегматично поглядел на Йанту, отчего ей стало немного не по себе, и, недовольно булькнув, оттолкнулся и поплыл вверх. Спустя мгновение Йанта поняла, что в стену вмурован огромный аквариум и ничего сверхъестественного здесь нет, однако вопросы «Как?» и «Зачем?» все равно оставались без ответа.

Лирак и Тоопи с любопытством смотрели на гостью, словно пытаясь угадать, что она скажет и сделает. Йанта повернулась к ним и снова искренне улыбнулась:

— Занятно у вас тут. Не корабль, а живой уголок императорского сада.

— Так и есть, — кивнул Тоопи, подвигая ей стул. — Садись, рыбка, не стой. Корабль когда-то не был кораблем вовсе, а наш ярл не всегда был мертв.

— И... как же так получилось? — настороженно поинтересовалась Йанта, опускаясь на стул. Лирак тут же сунул ей в руки бокал с вином, будто просто сидеть на кухне без ничего было верхом неприличия.

— Ну... — Тоопи отошел к столу и принял месить тесто — руками и щупальцами сразу.

Лирак продолжал уплетать солонину и дразнил осьминога в стене. Тот, впрочем, смотрел на моряка, как старая дева на очередного несерьезного воздыхателя — чуть презрительно и утомленно.

— Давно это было, — начал Тоопи. — Сейчас все точно не упомяну. Этак лет... тысячи три назад.

Йанта поперхнулась, даже не распробовав вкуса вина. Не может быть! Капитан выглядит вполне, хм, крепким. От старости в труху не рассыпается, маразмом старческим, кажется, не страдает. Или только кажется?

— Давно, в общем, было. — Тоопи придавал тесту форму колбаски. — Ярл наш дрался с Повелителями Холода при Соук-Икке-Соуке. Повелителей было двое, Янсрунд и брат его Иданнр. В той битве Иданнр был один, и ярл его одолел, но с Янсрундом, разгневанным из-

за брата, вышло иначе. Под конец дело стало настолько плохо, что пришлось плыть за подмогой к Морскому народу. Только в пути налетел шторм, корабль утонул, все погибли.

Йанта поежилась от внезапно окатившего ее холода — стоило представить такую бездну времени! — и задумалась. Значит, вот как. Мертвый капитан. Мертвее некуда.

— А нашел его господин наш Гунфридр, — вступил в разговор Лирак, вытирая руки о тряпицу, торчавшую из корзины с овощами. — Уважает он храбрых людей. Ну, и ненавидел тогда Хозяина Штормов. Вот и предложил Фьялбьёрну службу.

— А кто такой Хозяин Штормов?

Пригубив и распробовав, Йанта теперь смаковала вино, чувствуя, как на языке чуть горчит терпкая пряная жидкость.

— Да был тут один. — Тоопи поморщился. — Гадина редкостная. Сначала владел Островами-Призраками, а потом и остальной Север к рукам решил прибрать. Долго измывался над всеми, но потом...

Кракен разделил тесто на шарики и принялся раскатывать из них лепешки.

Йанта выжидательно посмотрела на него, понимая, что у кока свое собственное понимание об историях древности, поэтому торопить нет смысла.

— В общем, был один ворлок... — наконец произнес Тоопи. — Из Ванханена. Дружили они крепко. Говорят, побратимами даже стали, но я того не знаю, а врать не буду. Таких, как Оларс, Посредниками называют, потому что им между мирами живых и мертвых вечно держаться приходится. Неблагодарная работенка, да что поделаешь, нужная...

— И? — Любопытство все же брало свое, а спрашивать у друга не стоило, пожалуй. — Почему был-то?

Тоопи пожал плечами:

— Мы, как из Маргюгровой Пучины возвращались, попали в бурю. Кто уже разберет, что там случилось, только Оларс корабль спас, а сам сгинул во Мраке...

Йанта нахмурилась, обдумывая, как бы задать следующий вопрос, но Лирак вдруг резко вскочил, прислушался, а затем выдохнул:

— Утбурдовы дети^[12], никак к нам гости.

Его тревога невольно передалась Йанте, она тоже поднялась, поставив на стол кубок и с тоской вспомнив канувшую в море сумку с чародейским припасом.

— Что случилось?

— А, — махнул рукой моряк, — сейчас разберемся!

И рванул сквозь стену.

Йанта уже хотела последовать за ним, но вдруг почувствовала, как к руке прикоснулось что-то холодное и влажное — щупальце кракена. Обернувшись, она вопросительно глянула на кока.

— Осторожнее, — попросил нахмурившийся Тоопи. — Никого пышущего дружелюбием мы сейчас встретить не можем. Держись за спиной ярла, а лучше иди-ка в каюту.

— Я не собираюсь стоять ни за чьей спиной, — повела плечами Йанта. — Но за совет спасибо...

Показалось, что Тоопи вздохнул ей вслед, но Йанта уже нырнула сквозь плотную стену, чувствуя, как быстрее течет кровь и восхитительным жаром разливается по телу предвкушение опасности. Рыбка, значит? Что ж, похоже, пришло время показать, на что способна колдунья из Аш-Шарама!

На палубе не было суматохи, все замерли на своих местах. Воздух пропитался напряжением и каким-то жутким предвкушением. Подняв голову, Йанта увидела мертвого ярла — в живом глазу того пылал хищный огонь, на губах змеилась улыбка, от которой даже Йанте, далеко не трусихе, стало не по себе.

Она сильнее сжала рукоять подаренного ножа. Эх, жаль, клинок чужой, не прирученный, но выбора нет. Она справилась с веденхальтией, не будет лишней в бою и сейчас.

Внезапно раздался пронзительный свист, моряки, словно по команде, дружно выдохнули:

— Идет.

И Йанта увидела, как на огромной скорости к ним плывет бесформенная скала. Отвратительно серая, влажно поблескивающая в лучах северного солнца. Вокруг разливался свист пополам с неприятным пробирающим щелканьем, будто огромная клешня расплющивает кость. Скала приближалась. Йанта присмотрелась — там, сверху, стояли люди.

— Ты с ума сошла, — прошипел вдруг рядом Лирак. — Ярл сдерет с меня шкуру живьем, если с тобой что-то случится.

Йанта улыбнулась, не отрывая взгляда от приближавшейся скалы. Даже неясно, что приятнее: что хозяин корабля беспокоится о ней или что появилась возможность утереть нос всей команде «Гордого линорма». По лезвию ножа, посланные ее волей, пробежали серебристые искры, клинок стал острее.

Лирак кинул на нож быстрый взгляд:

— Это бромдхьетте. Не вздумай использовать магию — обернется против тебя же. А с таким ножиком лучше в драку не лезть.

— Кто они? — быстро спросила Йанта.

Но ответить Лирак не успел, скала врезалась в корабль, по палубе прошла дрожь. Щелканье стало громче, с удивительным проворством враг взбирался по борту на палубу. Всего миг остался на изумление — в бой с командой друга вступили существа, лишь смутно напоминавшие людей. Руки, ноги, а то и часть туловища — бесформенные камни, словно вырванные из сердца древней скалы. Раздумывать было некогда, одно из них оказалось возле Йанты. Удар — клинок со звоном отлетел от камня. Отпрыгнув, Йанта шепнула призыв к родной стихии, вливая в нож огонь собственной души. Без замаха ткнула острием в оказавшееся рядом чудище. Ответом был хриплый вой, клинок вошел в камень, как в плоть. Получилось! Ну, держитесь теперь!

— Сзади! — раздался крик друага.

Обернувшись, она легко уклонилась от страшного своей силой, но медленного замаха каменной руки, поднырнула под нее и одним ударом вспорола человеческое туловище от паха до горла. Послышалось бульканье, тело рухнуло вниз. Йанта перепрыгнула его и вонзила нож в спину бромдхьетте, бившегося с верзилой Халарном. Миг — еще один труп у ног...

— Убери нож!

Йанта оглянулась на голос ярла, прорезавший грохот боя, недоуменно глянула в сторону прорубающегося к ней Фьялбьёрна. Ярл шел с кормы, работая огромной секирой, словно тростинкой, но был слишком далеко. Еще одно полукаменное чудище встало перед ней. И

еще, и еще... Со всего корабля бромдхьетте шли к Йанте, ползли на подрубленных ногах, царапая палубу каменными пальцами, тянулись, как в жутком сне, корявыми руками.

Она увернулась от одного, второго... Третий попал под тяжелый двуручник хищно оскалившегося Халарна, еще один моряк встал рядом, прикрывая ее широкими плечами от каменных лапищ. Йанта тоже рубила и резала, щедро вливая магию в каждый удар, и те непременно достигали цели, но магия не бесконечна, а бромдхьетте все наступали, пока вдруг все не кончилось. Последнее чудище, хрипя, рухнуло на палубу, Халарн опустил клинок, посмотрел на Йанту с непонятым, но очень далеким от восхищения и благодарности выражением. Еще кто-то за спиной проворчал короткое, но нелестное про девок, у которых косы длиннее мыслей...

Возмутившись, Йанта набрала полную грудь воздуха и осеклась. Подняв голову, она увидела ледяной взгляд Фьялбьёрна Драуга. Капитан «Гордого линорма» медленно, но верно приближался к ней. И ничего хорошего его лицо не сулило.

Однако что бы ни собирался устроить ярл, сделать это он решил подальше от чужих глаз и ушей. Глянул на Йанту коротко и зло, кивнул в сторону каюты и сам рванул к ней первым, не сомневаясь, что его приказ будет исполнен. На палубе все еще горланили мертвые, но при этом весьма жизнерадостные моряки, хвалясь удачными ударами, поздравляя друг друга с победой и ругаясь в сторону проклятых каменюк, от которых теперь палубу чистить замаешься... Йанта же едва успевала за широкими шагами Фьялбьёрна, чувствуя бьющую от драуга волну ярости. И что она сделала неправильно? Ладно, объяснит же, наверное...

Влетев в каюту, ярл отступил в сторону, пропуская Йанту, захлопнул дверь так, что петли жалобно скрипнули, и странно, что не треснул косяк. Швырнул в угол топор, залитый черной густой кровью почти по самый конец топорница, застыл посреди каюты, заложив большие пальцы за широкий кожаный пояс. Йанта молча глянула в каменное лицо, на котором жил один только сверкающий бешенством глаз, отвела взгляд. Скинула плащ, бережно положив в изножье кровати...

— Ты что творишь? — рявкнул Фьялбьёрн. — Тебе кто позволил в бой соваться?

— А мне кто-то запрещал? — хмуро спросила Йанта, отстегивая ножны и аккуратно пристраивая их на стол. Надо бы почистить нож... Возбуждение боя отступало, и она уже поняла, что сделала что-то не так. Только вот что?

Повернувшись к ярлу, она все-таки встретила его взгляд своим, стараясь смотреть спокойно, но Фьялбьёрн шагнул ближе, едва не прижимая к стене. Нависая почти на две головы, уперся руками в стену по обе стороны от Йанты, не давая отойти, отгораживая собой от выхода. Йанта передернула плечами, чувствуя, как внутри поднимается злость.

— Не запрещали, значит? — низко рыкнул драуг. — А ты меня спросила? Здесь я решаю, кому идти в бой, а кому пока в сторонке постоять.

— За других решай, — тихо сказала Йанта. — Я огненная колдунья и, когда соратники дерутся, в стороне стоять не привыкла.

— Привыкнешь, — пообещал Фьялбьёрн тяжелым мурлычащим голосом. — Если доживешь до времени, когда поумнеешь. Тебе что, Лирак ничего не сказал про бромдхьетте? Лирак? Он и вправду что-то говорил о каменных чудищах и магии, но...

— Да что я сделала не так? — не выдержала, наконец, Йанта. — Можешь объяснить?

— Ты. Сунулась. В бой. Без позволения! — отчеканил Фьялбьёрн.

От его одежды горько и смолисто пахло кровью странных полукаменных существ, седые волосы растрепались по широким плечам. И до томительной слабости во всем теле

захотелось положить на эти плечи ладони, чтобы понять: правда ли друг и сам похож на камень, словно недавняя нечисть, или только кажется холодным и твердым, как выщербленный морским ветром утес. Йанта сглотнула, со сладкой тоской подумав, что сходит с ума, если после драки ей не хочется немедленно вымыться и поесть, зато невыносимо хочется проверить, кто из них не выдержит первым...

От Фьялбьёрна веяло силой. Древней, могучей силой, пришедшей из неизмеримой глубины времени. Неужели ему и в самом деле тысячи лет? Йанта всем телом ощущала давящую мощь гнева мертвого ярла. Не поддаваться... Это все корабль! Он резонирует и усиливает силу друга... И разве что силой, бурлящей и кипящей вокруг, можно объяснить, что их взаимный гнев не мешает резкому, как вспышка, желанию, что требует шагнуть навстречу тяжелой горячей ярости, запустить пальцы в спутанное серебро прядей...

— И что? — спросила она, запрокинув голову так, что затылком прижалась к стене. — А ты хотел, чтоб я стояла в стороне? А потом смотрела в глаза твоим людям? Чтоб осталась для них... кем? Твоим... уловом? Который только для постели и годится?

Последние слова она выплюнула уже резко, злясь на себя саму, что никак не удастся сохранить хладнокровие. Не вовремя она вспомнила про постель... Фьялбьёрн стоял так близко, что еще шаг — и прижмет к стене всем телом. И поддаться сейчас никак нельзя. Сомнет, подчинит...

— Для чего ты годишься — решать мне, — в низком рокочущем голосе друга слышалась угроза. — Еще раз пойдешь в бой без позволения...

— И что будет? — ровно спросила Йанта.

Спиной она упиралась в деревянную стену каюты, но чувства просто кричали, что позади не дерево, а живая, хоть и твердая плоть, только прикидывающаяся деревом. Впереди был друг — мертвый, но тоже странно живой, излучающий силу и жизнь. Резонанс, отражение, взаимопроникновение... Магическое чутье сходило с ума от этой путаницы, мешались ощущения живого и мертвого в чудовищной путанице. Да сними же ты хоть куртку, зараза! Пахло бы просто кровью — смогла бы отвлечься, а от этой каменной смолы голова кружится, словно от настойки на горном меду.

— Кого другого отправил бы за борт, на корм Морским Псам. А тебя...

Фьялбьёрн запнулся не больше чем на мгновение.

— Тебя высажу на первом же берегу. На корабле мое слово — закон. И если ты считаешь иначе...

Он замолчал, ожидая ответа. Йанта глубоко вздохнула, стиснув зубы. В глазах темнело от желания упереться ладонями в широченную грудь и оттолкнуть, выскочить мимо, на ледяной морской ветер, который только и может охладить горящее тело. Что он себе возомнил, этот морской разбойник? Она ему что, собственность? Девица для забавы, хрупкая куколка? И все-таки... в чем-то это было справедливо. С вождем не спорят, уж этому ее в Аш-Шараме научили на совесть. Или подчиняйся, или уходи. Если, конечно, тебе это позволят по-хорошему.

— Не считаю, — отозвалась она хмуро, опуская взгляд и со стыдом чувствуя, как вспыхивают щеки. — Ты прав.

Вздохнула коротко, чувствуя, что воздух вокруг пропах злостью, солью, черной смолой-кровью и горячкой битвы. Фьялбьёрн смотрел на нее с непонятным до конца выражением, в котором мешались и гнев, и торжество, и странное удивление, что ли.

— Я прав? — переспросил он, придвигаясь еще ближе, так что между ними осталась

разве что ладонь свободного места.

— Ты прав, — сквозь зубы процедила Йанта, ухитряясь отвести взгляд, как волк, признающий власть вожака. — Это твой корабль, ты здесь главный...

Ноги уже всерьез подкашивались. Не от слабости, конечно, какая там слабость — ножом чуток помахать, а от дурмана близости с тем, кто еще недавно держал ее в объятиях, ласкал, обладал так полно и властно, что и сейчас тело отказывалось признать, что все иначе и это не любовная игра.

— Что ж, раз так, — со странной усмешкой протянул друг, — мне и решать, как тебя наказывать.

— Что? — не поверила ушам Йанта.

Ладони друга тяжело опустились на плечи, теперь Фьялбьёрн уже прижимал ее к стене по-настоящему, не давая шевельнуться, а в живот Йанты упирался явный намек на инструмент предполагаемой экзекуции.

— Ты... — выдохнула Йанта, понимая, что сама себя загнала в ловушку. — Это что, и есть наказание?

— А ты предпочтешь порку на палубе? — вкрадчиво поинтересовался друг, глядя жадно и горячо. — На своем корабле я сам решаю, как и кого наказывать. Если принимаешь меня, как своего ярла, принимаешь и мою власть. Иначе — не держу. Завтра «Линорм» подойдет к островам Морского народа...

Теперь уже кипяток стыда плеснул не только в лицо — загорелись и уши, и шея. Она и не ожидала, что так вспыхнет. Проклятый друг, похоже, и в самом деле уверен, что деваться ворожее некуда. Что ж, раз так — его ждет неожиданность... Но это и вправду будет завтра, а сейчас... Не позволять же такое!

— Я велел тебе сидеть в каюте, если что-то случится, помнишь? — все тем же низким мурлычащим голосом, от которого по спине бежали мурашки, прорычал Фьялбьёрн. — Сама виновата, что ослушалась. Ты сунулась в драку с бромдхьетте без доспехов, не зная своего места в бою, не понимая, кто должен прикрывать тебя, а кого — ты. Эти твари питаются магией. Они почуяли нож и накинулись на тебя всей сворой. Хорошо, что к тому времени их осталось мало, иначе, разорвав тебя, бромдхьетте стали бы сильнее во много крат. Понимаешь теперь, что ты едва не натворила, став живой приманкой?

— Да, — прошептала Йанта, и в самом деле осознавая услышанное.

Проклятье, как же стыдно. Лирак ведь сказал, что нельзя пользоваться магией, так что могла бы и сообразить, дурища самоуверенная, что это неспроста... Друг прав. Он, конечно, самовлюбленный гад и уж не только ради наказания все это затеял, но... За ошибки надо платить. Если Йанта и вправду подвергла опасности весь корабль, то неважно, сойдет ли она завтра на берег — ярлу Фьялбьёрну она должна. А то, что одна мысль о... наказании заливаает тело изнутри горячей истомой — так это просто после боя еще не отпустило.

Вдохнув как можно глубже и выдохнув, она покорно кивнула, заставляя себя расслабить напряженные мышцы, и друг, поняв все правильно, удовлетворенно хмыкнул, качнулся назад, потянул за плечо, разворачивая.

— Что, прямо здесь? — сдавленно поинтересовалась Йанта, пытаясь говорить спокойно.

— А почему нет? — усмехнулся, судя по голосу, Фьялбьёрн. — Или на кровать хочешь?

Не доверяя голосу, Йанта просто пожала плечами. Подумала зло и растерянно, что жаль, если все у них закончится вот так, потому что неважно, кто прав, — подобное не простишь

ни себе, ни другому.

А потом стало не до мыслей, потому что ее все-таки повело от горячего дыхания Фьялбьёрна на своей макушке, а потом ниже — на голой шее и плечах, с которых драуг умело и быстро спустил расшнурованный им же ворот рубашки. Не говоря ни слова, Фьялбьёрн поставил ладони Йанты на стену, заставив ее наклониться и упереться плотнее, прижаться лбом к теплому полированному дереву, что и не дерево вовсе... От этого воспоминания окатило жаром и снова показалось, что рядом огромное непонятное существо наблюдает за ними с ленивым и слегка недоуменным интересом. Изнывая от стыда и желания, Йанта подчинилась умелым прикосновениям рук, расстегнувших пряжку ремня и спустивших с ее бедер штаны, так же покорно слегка выгнулась назад, желая только, чтоб все закончилось побыстрее...

Только вот драуг не торопился. Оглаживая горячими шершавыми ладонями обнаженную кожу Йанты, ласкал бедра, поясницу, ложбинку между ягодицами... Протиснув ладонь между ее бедер, легонько прошелся кончиками пальцев по мгновенно увлажнившейся и набухшей плоти. Йанта, уткнувшись лбом и плечами в стену, терпела, понимая, что в этот раз вряд ли будет так, как было... Ну, сама виновата. Злость на себя и Фьялбьёрна, который мог бы все же не оставлять по себе такую память, мешалась со стыдом и унижением, застревающая в горле тяжелым, горьким, плотным комком.

— Ноги раздвинь, — хрипло велел Фьялбьёрн, поднимаясь руками выше, глядя ее бока, принося жесткими требовательными губами к ложбинке между шеей и плечом.

Йанта едва не всхлипнула, заставляя себя сжать губы и радуясь, что ее лица не видно. Низ живота уже налился горячей сладкой тяжестью, и до изнеможения хотелось расслабиться, отдаться, принимая ласки и лаская в ответ, а в глазах темнело от ненависти к себе за это.

Выполняя приказ, она еще подалась назад, отступая от стены, но по-прежнему прижимаясь к ней плечами и ладонями, расставила ступни пошире, чувствуя на уровне коленей спущенную ткань штанов. От этой унижительной вымученной покорности и собственного желания, хорошо заметного драугу, было еще слаще и отвратительнее, тошнота мешалась с диким возбуждением... Фьялбьёрн, неизвестно когда раздевшийся сам, просунул ей руку под рубашку и нагрудную повязку, погладил затвердевшие соски, спустился пальцами к промежности и снова задержался там, лаская куда нежнее, чем можно было ожидать, так что Йанта до боли закусил губу, чтоб сдержать стон.

— Нравится? — прошептал драуг ей на ухо, легонько прикусывая мочку и тут же зализывая.

Йанта молча дернулась, отодвигаясь, насколько могла, больше для того, чтобы показать себе — она не хочет, на самом деле, прильнуть к этому горячему огромному телу. Драуг, снова хмыкнув, дернул ее бедра на себя, прижимаясь возбужденной скользкой плотью между ног. Йанта стиснула зубы, ожидая неизбежного...

— Еще раз устроишь такое — голову оторву, — низко проурчал на ухо ненавистный голос, опять окатывая волной мурашек и ознобом по всему телу.

— Не оторвешь! — не выдержала Йанта. — Не будет никакого другого раза, понятно? Давай уже, не тяни!

— Не терпится? — услышала она довольный смешок. — Ты же хочешь, я вижу...

В голове вдруг стало пусто и ясно, а тело будто окатило ледяной водой, смывая возбуждение. Йанта оттолкнулась ладонями от стены. Медленно вдохнула, заставляя себя

втягивать сгустившийся вокруг воздух. Прижалась к груди друга, запрокинув голову назад, на его плечо, посмотрела в темнеющий потолок — где-то рядом и сбоку маячило, словно сквозь туман, лицо Фьялбьёрна. Разомкнула непослушные, будто замерзшие губы, так же медленно и четко выговаривая каждое слово:

— Я. Тебе. Не подстилка. Хватит. Хочешь наказать — веди на палубу и пори. Да хоть к Псам за борт. Все равно. Но не так.

Помолчала, собираясь с ускользящими мыслями, и, не шевелясь, спокойно добавила:

— Руки убери. И отойди. Сам. Еще раз тронешь — и ждать островов, чтоб уйти, я не стану.

— Девочка...

В голосе друга, кажется, была растерянность. Может, и еще что-то, но Йанта уже не слышала, потому что ее скрутило жестоким спазмом от усилия удержать рвущуюся изнутри силу. Слепая ярость кипятком жгла нутро, требовала излиться, Йанта стиснула зубы и сжала пальцы в кулаки, не позволяя себе...

Друг рванул ее за плечо, разворачивая, встряхивая, заглянул в лицо. Йанта рвано вдыхала и с трудом выдыхала густой, напоенный все тем же смолистым запахом каменной крови воздух, старательно смотря мимо, но Фьялбьёрн все же добился своего, ухватив ладонью за подбородок и поймав взгляд. Глухо охнул — и подхватил на руки. Одним длинным шагом-прыжком оказался у кровати, рухнул на нее вместе с Йантой, прижимая ее к постели, накрывая собой.

Зашептал, удерживая бьющееся в судороге тело:

— Девочка... Моя... Тише... ну что ты... Ты и правда подумала... Тише, тише... Все! Все, слышишь? Ничего не будет. Ничего... Забудь... Забудь... Я не хотел...

Йанта, не узнавая слов ставшего вдруг непонятным языка, сопротивлялась, пытаясь вывернуться, не понимая, где она и что происходит, потом всхлипнула, чувствуя, как ее сжимают в объятиях, покрывая поцелуями лицо, шею, плечи. Сорвав одежду, Фьялбьёрн целовал ее неистово, торопливо, словно боясь отпустить хоть на миг. Гладил, позволив освободиться ровно настолько, чтоб обнять целиком, вжавшись спереди и не переставая выплачивать сзади. Шептал что-то нежное, успокаивающее, не имеющее ровно никакого смысла, как испуганному зверю, и снова целовал, гладил и прижимал.

— Никогда, — прошептала Йанта, вспоминая, как говорить. — Никогда, слышишь...

Замолчала, не зная, что сказать, и почувствовала, как спазм отпускает, оставляя крупную дрожь, сотрясающую все тело.

— Да, — глухо отозвался друг, еще крепче прижимая ее к себе, оплетая руками и ногами. — Да. Девочка... Моя. Никогда. Я просто не мог. Не мог потерять еще и тебя...

И снова осознание накрыло отрезвляющей горечью. Так вот почему... Тот, другой, о котором говорил Лирак. Ворлок, который не приходит к Фьялбьёрну Другу, мертвому ярлу, в прозрачный шторм. Друг и побратим, которого Фьялбьёрн не смог спасти. Которого он теперь видит в Йанте, ворожее, чужачке, не знающей местных опасностей. Да и выглядит она... Что еще друг мог про нее подумать, то спасая после драки с веденхальтией, то успокаивая после прозрачного шторма, который местные и за хлопоты не считают? Фьялбьёрн, значит, за нее... беспокоился? За нее?

Йанта едва не рассмеялась, удержавшись с трудом — а то вышел бы всхлип. Беспокоиться за огненную колдунью? За нее-то, пережившую смерть всех родных и близких, не дорожащую собственной жизнью... Ох, да... Дрожь медленно уходила, оставляя слабость

и легкий озноб. Какое счастье, что удержалась. Если бы друг знал, что может натворить существо вроде Йанты, накрытое яростью мага!

Расслабившись, наконец, Йанта уткнулась лицом в плечо не перестающего ласкать ее Фьялбьёрна. Прижалась всем телом и почувствовала бедром горячую твердую плоть, прижавшуюся к ней. Фьялбьёрн судорожно вздохнул...

— Йанта... — шепнул, целуя в шею за ухом. — Девочка... Все хорошо? Я уйду, хочешь?

Она молча помотала головой. Повернулась удобнее, обняла широкие плечи, провела губами по ключицам. Раздвинула ноги, обнимая бедрами колени Фьялбьёрна, запрокинула голову, заглядывая в глаза своему ярлу. Проговорила негромко:

— Я не стану стоять в стороне. Иначе это буду не я. Кончится магия — возьму в руки меч. Если не дашь меч — я пойду в драку без него и отниму у первого, кто попадется. И не бойся за меня. Никогда. Просто научи всему, что нужно знать.

Усмехнулась, откидываясь на постель, закладывая руки за голову. Облизнула пересохшие губы, потянулась дразняще. Проговорила совершенно серьезно, любясь непередаваемым словами выражением лица Фьялбьёрна:

— А если собираешься меня за это наказывать — что ж, твое право. Ты мой ярл. Можно даже у стенки, как сегодня. После каждой драки буду принимать со смирением. Только со следующего раза, очень прошу...

И сама потянулась к губам Фьялбьёрна, обнимая, прижимаясь, раскрываясь всем телом навстречу.

Часть вторая
Острова морского народа

Глава 6

Морской народ

...Развернуть, прижать к себе, посмотреть прямо в глаза. Черные-черные. Что Мрак в сравнении с ними? Так, ничего, нелепое пятно. А в твоих глазах — огонь. Он полыхает, как черное солнце, зовет на разные голоса — нежные, страстные, игривые. И ты зовешь. Едва приоткрытыми губами, гибким телом, рассыпавшимся по плечам шелком волос, в которые так и хочется вплести пальцы и сжать посильнее. Не до боли, но чтобы не смогла вырваться. И бесконечно смотреть в эту дивную черноту глаз. А потом резко опрокинуть на кровать и вжать всем телом, чтоб и двинуться не сумела. Услышать приглушенный выдох и почувствовать, как твои ладони скользят по моим плечам. Увидеть... нет, скорее почувствовать улыбку на твоих губах, задохнуться от запаха полыни и мускуса. Мое. Моя. Никому не отдам.

Фьялбьёрн открыл глаза и бесшумно вздохнул. Приснится же. Не шевелясь, прислушался к плеску волн. До рассвета еще час или около того. «Гордый линорм» шел тихо и быстро, значит, погода не буянит, все шторма остались в прошлом. Удивляться тут особо нечему: возле островов Морского народа всегда тишина. Старый прохвост Бо, то есть его величество дроттен и властелин Островов, давным-давно договорился с Гунфридром, чтобы шторма по возможности обходили его земли стороной. Конечно, совсем избавиться от бурь даже Морской Владыка не сумел, но кое-что сделать получилось. Особенно после смерти Хозяина Штормов.

Фьялбьёрн чуть нахмурился, прижимая к себе тихо и ровно дышащую Йанту. Впрочем, ворожея и сама в этот раз обнимала его куда крепче, чем ранее, а ночью отдавалась так, что, наверно, вся команда слышала. Ну и пусть. Главное, не говорить об этом ей самой, а то ведь из упрямства зубы стискивать будет.

Пальцы друга опустились на черноволосую головку, легонько поглаживая и перебирая шелковистые пряди. Что это вчера было? Фьялбьёрн сразу почувствовал и узнал тугую горячую силу, которая вот-вот вырвется и разнесет все вокруг. Все, кто носит внутри магию, имеют с ней дело. Он слишком хорошо помнил, что было с Оларсом, когда тот пытался удержать в себе подобный шквал. С Йантой... не совсем, но похоже. Фьялбьёрн и представить не мог, что такое произойдет и что причиной будет... Знал бы — точно не тронул бы пальцем. А так...

Он вздохнул и коснулся губами виска девушки. Кажется, уже и сам забыл, как это — пугаться за кого-то. Начиная с боя на палубе, когда эта... пичуга отважная выскочила с ножом против бромдхьетте, и заканчивая бьющимся в его объятиях телом. И глазами — что там Мрак... Так, пятно глупое.

Йанта тихо вздохнула и потерлась щекой о его плечо. Фьялбьёрн невольно улыбнулся, свободной рукой натянул на нее одеяло. Что бы там ни было — сейчас и не подумать, что вечером еще шипела и ругалась, готова была разнести весь корабль. Эх, ворожея...

— Что, уже утро? — еле слышно пробормотала та, горячо дыша в ямку между его плечом и шеей.

— Нет, еще рано, — шепнул Фьялбьёрн, почти полностью затягивая восхитительно сонную девушку на себя и касаясь губами лица. — Спи.

Ворожея расслабленно выдохнула, мурлыкнула что-то на своем языке и прижалась

щеккой к плечу своего ярла. Своего, да. Сама вчера признала. Фьялбьёрн, честно, не знал, радоваться ли, но сказанного не воротишь. Теперь это уже точно не гостья.

«Гордый линорм» медленно покачивался на волнах, а Фьялбьёрн не отводил взгляда от Йанты. Интересно, сколько ей лет? Сейчас, во сне, прикорнув к плечу, ворожея казалась совсем юной: пара дюжин, не больше. Но Фьялбьёрн помнил богатый привкус ее силы и яростную мощь. На такое способна только женщина в расцвете. Друг вздохнул. Хорошо бы в промежутке между драками, ссорами и постелью все же поговорить с ворожеей. Но не сейчас... Не ровен час, Морской народ объявится. А эти на все красивое падки. Точно не дадут покоя, а то и увести попробуют.

Вскоре, убаюканный мерным покачиванием корабля и тихим дыханием Йанты, Фьялбьёрн и не заметил, как сам заснул, уткнувшись в ее макушку.

Рассвет наступил поздно, будто уговаривая еще понежиться в постели, но дела звали, так что покидать нагретое ложе и выбираться на палубу все-таки пришлось. Ветер, полный студеной колких капелек, приятно охлаждал лицо, а принесенное Лираком подогретое вино горчило на языке. Фьялбьёрн вглядывался в морскую даль и еле заметно улыбался. Хороша погодка! В такую бы наведаться в Ванханен или Мерикиви^[13], да пока не судьба. Весе — его цель, пока водяной жив, Северу не будет покоя. Эх, и что бы Повелителю Янсрунду со всей его силой не помочь истребить проклятого веденхальтию? Так нет же, Янсрунд держится от происходящего в стороне. То ли выжидает какую-то свою выгоду, то ли попросту забавляется.

На виднокрае, где море сливалось с небом, появились черные точки. Друг прищурился и сделал еще глоток. Обычно мертвая плоть не требовала ни еды, ни питья, но постоянное прикосновение к живому телу, да еще и, кхм, такое прикосновение... брало свое. Глубоко вздохнув, он почувствовал, как губы снова расползаются в улыбке. Эх, до чего не хотелось выбираться из теплой постели и оставлять сладко спящую Йанту. Можно было даже разбудить... Ранний подъем — исключительно полезная вещь. Как там говорили други с Туманных земель? Рано в кровать, рано вставать — горя и хвори не будете знать!

Фьялбьёрн ухмыльнулся. Надо будет как-то опробовать такой совет. Раньше ложиться, чтобы больше успеть в постели, а с утра будить сонную ворожею поцелуями и, пока разомлевшая... Мысли об этом пошли бы дальше и, может, претворились в дела, но тут за спиной послышались шаги.

— Мой ярл...

Голос Тоопи был жутко сонным и глухим, будто кракен всю ночь орал песни с хавманами на шальной гулянке среди подводных скал.

Фьялбьёрн обернулся. Вид кракена подтвердил опасения: славный кок вчера погулял на славу. Впрочем, на ногах он все равно держался крепко, и щупальца шевелились почти с обычной бодростью.

— Я тут подумал, — осторожно начал Тоопи, — это... наша девочка ест лобстеров?

Однако как быстро бежит время. Уже — наша девочка. Друг хмыкнул. Интересно было бы взглянуть на лицо ворожеи, услышь та подобное словечко.

— Думаю, да, — спокойно ответил он, — если, конечно, ты с перепоею не забудешь их сварить.

Тоопи насупился, попытался что-то возразить, но тут же смолк, понимая, что с ярлом лучше не спорить.

— Еще раз увижу в таком состоянии, — с ласковой улыбкой голодного морского пса произнес Фьялбьёрн, глядя прямо на кока, — вырву все щупальца и подарю дроттену Бо на

рыбачку наживку.

Кракен возмущенно вскинулся, но потом, понутив голову, пробормотал:

— Вот за что я вас и люблю, мой ярл. Умеете подбодрить.

— Люби сильнее, иначе я могу усомниться в твоих чувствах, — хмыкнул Фьялбьёрн и сунул в руки Тоопи пустой кубок. — Подавай своих лобстеров и свари побольше глэга. Мне нужна сытая ворожея к прибытию кораблей Фрайде.

По лицу кока скользнуло мимолетное удивление, поэтому друг быстро развернулся и направился вниз, не желая отвечать на лишние вопросы. Конечно, было чего удивляться, ведь глэг — для восстановления сил. То, что Йанта вышла из боя невредимой, видели все. И его гнев — тоже. А вот что было в каюте — могли только предположить и мигом перевести дурными языками своего ярла в разряд извергов.

Фьялбьёрн миновал темный коридор, направляясь к самой незаметной и укромной каютке. Хоть Йанта его и простила, и была ночью такой податливой и послушной, друг все равно чувствовал себя виноватым. Сдерживаться надо с колдовским народом. Очень надо.

Подойдя к дверке из темного дерева, Фьялбьёрн толкнул ее, хрипло произнес несколько слов. Дверь растаяла, словно смоляной дым, и ярл шагнул в пустоту. В ушах тут же зазвенело, в нос ударил тяжелый запах гниющего дерева и морской соли. Голова пошла кругом, рядом зашелестел нечеловеческий шепот, будто маленькие волны плескались совсем возле уха. Вокруг царила тьма, но друг и при жизни неплохо видел в темноте, а уж теперь и вовсе не нуждался в свете.

— Здравствуй, наш ярл, — вкрадчиво пропели волны, — давно ты к нам не захаживал.

Головокружение прошло, Фьялбьёрн взял себя в руки и усмехнулся:

— Сокровища не для того, чтобы их раздаривать всем подряд, мои маленькие. Но порой...

— Случаются исключения? — захихикали волны.

— Именно, — кивнул ярл. — Мне нужен амулет четырех стихий.

Морские ниссе зашептались — будто вода забурлила и тут же схлынула огромной волной. Перед глазами что-то сверкнуло, закрутилось серебряным веретеном, шепот появился вновь:

— Амулет... Подарок Морского Владыки...

Миг — возле руки Фьялбьёрна завис изящный медальон с удивительно загнутыми полосками металла, напоминавшими причудливые листочки. В середине сиял камень цвета морской волны, пронизанной лучами солнца в хороший день. Пальцам стало горячо, друг аккуратно сжал драгоценность в кулаке.

— Да, — кивнул. — Подарок. Из самого Топеналлохона.

Камень блеснул сквозь пальцы, медальон уютно устроился в ладони друга, словно не желал ее покидать.

— Она достойна, мой ярл? — прошелестели волны.

Фьялбьёрн слегка усмехнулся:

— Еще как. Строптивая, конечно, горяча, но это и к лучшему.

Со всех сторон звенящими колокольцами посыпалось сдавленное хихиканье. Маленькие ниссе хорошо знали, что ярл «Гордого линорма» не боится женской строптивости. И вправду, только слабый муж ищет женщину еще слабее себя, чтоб слова не смела сказать поперек. Сильному и подруга нужна равная. Фьялбьёрн снова вспомнил черное пламя гордого взгляда и нежную сладость губ...

— Благодарю, — наконец очнувшись от наваждения, произнес он и развернулся к выходу, тщательно проговаривая заклятие.

Темнота закружилась, захохотала, ударила в глаза густыми клубами, миг — и Фьялбьёрн снова оказался в узком коридоре. Спрятанный в руке медальон приятно грел кожу. В несколько быстрых шагов оказавшись у лестницы, драуг резко остановился и прислушался. Вроде все как обычно — тихо и спокойно. Но в то же время что-то заставляет насторожиться.

Пренебрегать предчувствиями он не любил, однако сейчас не мог определить, что именно настораживает.

Нахмурившись, Фьялбьёрн быстро поднялся наверх и огляделся. Ничего. Солнечный день, лентяй Олави драит палубу, за ним приглядывает, что-то штопая, неугомонный Лирак, рядом топчется кракен, однако вряд ли без дела: живой человек на корабле — одни хлопоты коку мертвой команды.

Йанта, похоже, из каюты еще не выходила, и это было хорошо. Дарить подарки лучше наедине, деля радость на двоих — она от этого только умножается.

Ворожея и вправду полулежала на постели спиной к нему, но, безошибочно узнав по шагам, сразу откликнулась:

— Дверь закрой, белых мух напустишь.

Голос ее звучал довольно. Драуг кинул быстрый взгляд на стол: еще пахнущий глёгом кубок пуст, от лобстеров остались одни скорлупки, а сама дева настроена благостно. Хоть и оделась, но косу еще не заплела...

Прикрыв дверь, Фьялбьёрн обошел ложе, опустился рядом. Втянул свежий запах полыни от волос, распущенных по плечам смоляной волной. Вот же маргюгрова дочь! Облюбовала бадью, теперь бедному Тоопи таскать ей не только обеды-ужины, но и воду ведрами.

Йанта одним ленивым движением развернулась, удерживая в руках старинную книгу с зеркальными страницами, что сыграла злую шутку в шторм призраков.

— Готовит ваш кок — язык проглотишь. Где только научился?

Судя по хитринке в черных глазах, ворожея ожидала ответа вроде: сам обучил. Однако драуг просто пожал плечами:

— У него и спроси.

— Спрашивала, — неожиданно обиженно отозвалась Йанта, резко захлопывая книгу. — Смеется только да врет напропалую.

Фьялбьёрн вздохнул. Что есть, то есть. Тоопи порой увлекается шутками настолько, что ничего хорошего из этого не получается.

— Ничего, в следующий раз велю, чтоб к обеду он приготовил тебе и правдивую историю. Если, конечно, это доставит истинное удовольствие.

Йанта вздернула бровь и неожиданно хмыкнула. Что именно она услышала в словах драуга, было непонятно, но Фьялбьёрн не собирался все утро разговаривать о Тоопи. Наклонившись, он осторожно надел на шею девушки взятый в сокровищнице амулет.

— Эта штука тебе пригодится, — ровно произнес ярл в ответ на вопросительный взгляд, когда драгоценность легла на мягкую белую ткань рубашки. — Во всяком случае, у меня будет хоть какая-то уверенность, что в драке тебе не сразу снесут голову.

Против ожидания, ворожея не стала брыкаться и убеждать, что с ней такого случиться не может. Молча взяв амулет в руки, она всмотрелась в него, словно в морском камне находился целый мир, и Фьялбьёрн невольно залюбовался сосредоточенным лицом девушки.

— Что это? — помолчав, спросила она тихим, задумчивым голосом.

— Амулет четырех стихий, — ответил Фьялбьёрн, не отводя взгляда от притихшей ворожеи и пытаясь понять, нравится ли ей подарок. — Гунфридр в свое время одарил меня в знак милости. Правда, мертвым эта вещь не особо в помощь. А тебе лишней не будет.

Ворожея коснулась пальцами витых листиков, легонько подула на них — серебро тут же вспыхнуло мириадами искр, закружившихся в воздухе.

Йанта ахнула, в черных глазах появился восторг.

— А кто такой Гунфридр? Эта вещичка разве что сама по себе не живет!

— Да так, — хмыкнул Фьялбьёрн. — Один мой знакомый.

— Но... — Ворожея нахмурилась. Серебряные листочки вдруг дрогнули, погладили ее ладонь, коснулись пальцев и медленно их обвили. — Тут чувствуется божественная рука. И Тоопи с Лираком говорили, что это он призвал тебя на службу.

— Так и есть. Гунфридр, Владыка Моря, и не такое умеет.

Еще несколько вдохов ворожея молчала, а потом еле слышно выдохнула, поднимая взгляд:

— Благодарю.

Всего одно слово, но как сказано. И взгляд — серьезнее некуда. Будь сердце живым, точно пропустило бы пару ударов. Попросить иной благодарности, хотя бы в шутку, почему-то язык не поворачивался, но девушка сама потянулась к нему. Прижалась всем телом, приникая к губам, целуя открыто и искренне. Миг — руки сами скользнули по его спине, сжимая и стискивая. Вплести пальцы в волосы, целовать, чтобы забыла, как дышать, до хриплых стонов, до покрасневших от ласки губ, до...

Внутри внезапно что-то кольнуло. Фьялбьёрн нехотя оторвался и глянул на несколько озадаченную Йанту:

— Морской народ стучит в двери. Пойдем встречать.

Пока раздумывавшаяся ворожея перехватывала растрепавшиеся волосы лентой, Фьялбьёрн был уже возле двери. На самом деле хотелось послать к Морским Псам всех гостей и запереться тут этак... на недельку. Но приказ Морского Владыки ждать не мог, поэтому пришлось почти серьезно посмотреть на девушку:

— Отнесись к ним снисходительно. Дикая люди, что взять... И выходи поскорее.

У борта с очень занятым видом, как умеют только истинные бездельники, уже стояли Лирак и Матиас. Фьялбьёрн быстрым шагом подошел к ним, сложил руки на груди и усмехнулся. Что ж, все, как и предполагал.

Сияя на солнце начищенными щитами по бортам, рядом покачивалась на волнах «Бесстрашная валкара». Драккар был поманевренней и полегче «Линорма», только все равно неживой. Гребцы — широкоплечие рыжие и русоволосые мужчины в кожаных одеждах — усмехались и поглядывали на мертвую команду кто с интересом, кто со знанием дела. Не первый уж раз Фрайде, младший сын дроттена Бо, встречает столь необычного гостя в этих водах.

— Хэй! На «Гордом линорме»! — раздался звонкий оклик с драккара. — Какие морские змеи занесли вас во владения Морского народа?

Фьялбьёрн увидел подошедшего к борту рослого молодца в льняной рубашке, кожаной куртке и простых холщовых штанах. Светлые волосы свободно лежали на плечах, хитрый прищур напоминал старого прохвоста Бо, а улыбка на губах была открытой и дружелюбной. Фрайде не боялся ни холода, ни морской пучины, ни ее ужасов. И зазнайкой, как его братья,

не был.

— А не слышали, что ли? Те же самые, что на той неделе сожрали ярла «Бесстрашной валкары» да выплюнули! — осклабился в ответ Фьялбьёрн.

Настроение мигом стало лучше: раз послали Фрайде, значит, к островам проведут без приключений.

Фрайде довольно ухмыльнулся:

— Приветствую, Фьялбьёрн Драуг. Давно тебя не было в наших водах.

— Но вот я здесь, — откликнулся Фьялбьёрн, — достойный ли прием мне подготовили, сын дроттена?

Фрайде ответить не успел, резко повернул голову, будто что-то услышав. Фьялбьёрн замер, тоже прислушиваясь. Из-под низкого полотняного навеса, сделанного прямо посреди драккара, выскользнула фигура, закутанная в винно-красный плащ с капюшоном. Бесшумно приблизилась к Фрайде, тот мягко улыбнулся и кивнул.

Тонкая, униженная браслетами рука высвободилась из складок плаща и откинула капюшон. Сверкнули на солнце медные пряди, ручейками сбегая по плечам и спине. Бледное узкое лицо, внимательные и цепкие, как когти крылатых стражей с Островов-Призраков, глаза цвета темного янтаря, нежную кожу на левой щеке пересекает тонкий штрих старого шрама, на лбу — узкая кожаная лента с монетами.

«Мерикиви, — хмыкнул про себя Фьялбьёрн. — Чудесник. Или чудесница. Одна маргюгра разберет это янтарное племя. А нет, девица. Как ее там... В прошлый раз, гостя у Бо, даже слышал ее историю, но имя вылетело из памяти...»

— Достойный ярл, — негромко и как-то глухо произнесла мерикиви, — господин наш дроттен давно вас ждет. Увы, на Островах нынче неладно, и не всяким гостям мы рады, но старая дружба не забыта.

Фьялбьёрн молча перевел взгляд на Фрайде, тот серьезно кивнул:

— Ньедрунг передает слова отца.

На миг показалось, что рослый Фрайде кажется большим и нескладным рядом с изящной чудесницей. А влюбленный гордый взгляд, который он то и дело бросал на рыжую, говорил без слов, но ясно: моя.

Ньедрунг кивнула и прищурилась, как кошка у очага. Фьялбьёрн не сразу сообразил, что за спиной стоит Йанта и внимательно слушает разговор. Представлять ворожею сейчас не хотелось. Не нравился драугу взгляд, которым чудесница с «Бесстрашной валкары» осматривала каждый видимый участочек на корабле. Сделав шаг вправо, чтобы закрыть Йанту, он сказал:

— Тогда не будем терять время. Мы идем за вами.

Фрайде кивнул, рыжая чудесница не шелохнулась, продолжая жечь взглядом драуга. Но через несколько ударов сердца кивнула, словно сама себе, и, развернувшись, направилась вслед за отошедшим Фрайде.

На некоторое время на палубе повисла тишина. Даже остроязыкий Лирак не находил слов после странных речей мерикиви, а Матиас, родившийся и когда-то живший на Островах, вовсе стал мрачнее тучи. Моряки переглянулись и направились по местам, «Гордый линорм» шел за проводником — на отдых не было времени.

— Занятно, — послышался голос Йанты.

Фьялбьёрн медленно обернулся, посмотрел на задумчивую ворожею. Та стояла спокойно, словно взгляды Ньедрунг ее совершенно не волновали.

— Что именно?

— Все, — коротко бросила Йанта. — Это и есть Морской народ?

Фьялбьёрн медленно кивнул, посмотрел на белую пенную дорожку, вьющуюся за кормой «Бесстрашной валкары».

— Фрайде — младший сын дроттена. Толковый малый. Старик Бо в нем души не чаёт и, думаю, правильно делает. Из троих наследников престола Фрайде достойнее всех. Старший и средний братцы способны разве что за девчонками бегать да сетями рыбу у побережья ловить.

Йанта встала рядом, облокотилась ладонями о фальшборт, внимательно слушая. Ветер трепал смоляные пряди, однако ворожею это не беспокоило. Хорошо хоть плащ надела. Иначе б мерикивская чудесница наизнанку вывернулась, чтобы рассмотреть заморское чудо. Не жалко, но вдруг сглазит из женской зависти?

— А эта рыжая? Тоже ворожея? Сила у нее такая — аж янтарем пылает.

— Чудесница, — отрезал Фьялбьёрн.

Кажется, получилось слишком резко, потому что Йанта посмотрела на него удивленно.

— Чудесники и чудесницы малость не от мира сего, — продолжил драуг, уже взяв себя в руки. — Обычно с ними можно иметь дело, но есть и... странные... — Пришлось передернуть плечами, отгоняя пару давних воспоминаний. — Про янтарь ты, кстати, верно заметила. В Мерикиви, откуда она родом, много янтаря добывают. И магию тоже янтарную знают да медовую. Другим с ней не управиться, а вот мерикиви — на раз.

Йанта чуть нахмурилась:

— А в чем заключается эта их... странность?

Фьялбьёрн поднял глаза — наглые чайки кружили над кораблем, явно решив перекричать и людей, и шум волн.

— В Мерикиви очень ревностно относятся к богиням. Именно богиням, не богам. А больше всех почитают Леле Славную и Браду Янтарь. Леле благосклонна ко всем, а вот Брада свою милость и силу дарует только женщинам. Но сила Брады так желанна, что... порой некоторые мальчишки сознательно уподобляются девам, и тогда Брада обращает свой взор и на них. Брат-близнец этой Ньедрунг как раз таким и стал. А когда брат и сестра, рожденные вместе, служат Браде — это силища такая, что многие склоняют перед ними головы. Вот Ньеда нос и задирает.

Йанта задумалась:

— И... есть ли какие-то пределы у этого уподобления?

Драуг резко пожал плечами:

— У всех по-разному. Я как-то не вникал. Только вот если ты бездарь, женские тряпки не помогут.

Йанта покачала головой:

— Она точно не слаба.

— Это сейчас, — мрачно отозвался Фьялбьёрн. — Раньше и Вессе не был так силен...

Ворожея тут же стала серьезной:

— Вот как? И что же произошло?

Некоторое время драуг молча смотрел на воду. Перед глазами почему-то мелькали аккуратные одноэтажные домики Морского народа, витиеватые улочки, огромный храм Гунфридра, похожий на изящную раковину, роскошный дворец Бо, а в горле першило от соли, ветра и предчувствия беды. Но все же он начал говорить — хрипло и глухо:

— Даром что веденхальтии — водные духи, Вессе был одарен и другой силой. Он долго служил в храме Брады Янтарь. Добровольно служил. Даже подумывал о женской личине, но до этого дело так и не дошло, потому что однажды он объявил, что нашел нового учителя, и... скрылся ото всех. Прошло много лет. Не знаю сколько. Только недавно Гунфридр призвал меня к себе на дно и сообщил, что Вессе нужно уничтожить. Вот я его и выслеживал, когда с тобой повстречался.

— Почему уничтожить? — настороженно уточнила ворожея.

Фьялбьёрн отвернулся от воды и внимательно посмотрел на нее:

— Потому что учителем Вессе оказался не человек, не Хозяин Штормов, даже не Господин наш Мрак, а Дыхание Пустоты. Ужасающая сила, которой боятся даже боги. Если Вессе призовет ее в наш мир, Пустота разинет бездонную пасть и поглотит его. Так что не сам водяной страшен, а то, что он может натворить, если у Вессе хватит безумия.

Несколько мгновений Йанта, кажется, даже не дышала, но потом покачала головой:

— Да уж. Весело у вас тут.

— Еще как, — согласился Фьялбьёрн. — Сама понимаешь, почему Повелитель мой Гунфридр так обеспокоен, а с ним и другие владыки мира. Пустота — враг жизни и, как ни странно, Мрака. Ведь так или иначе, но по ту сторону Мрака свои законы. И даже смерть там приобретает иную форму. Кое-кто, умерев, остается существовать.

Йанта чуть склонила голову набок, глядя серьезно и внимательно:

— Как ты, ярл?

— Как я, — кивнул он и, протянув руку, убрал черную прядь ворожее за ухо. Та напряглась, но не шевельнулась.

— Сейчас, у Морского народа, мы узнаем про Вессе больше. Они живут близко к его логову. Знают куда больше нашего. Только не слишком любят делиться. Впрочем, найдется и для них свой ключик, — скупое усмехнулся драуг, вспомнив о подарке Астрид. Да, хочет Бо или нет, а все, что нужно мертвому ярлу, он расскажет.

— И помни, — уронил он негромко. — Хоть мы в гостях, но по сторонам поглядывай и лишнего не говори.

Кивнув, Йанта снова глянула на идущий впереди корабль. Как-то спокойно, уверенно, без страха и сожаления. На миг Фьялбьёрн залюбовался, вдруг четко понимая: что бы его ворожея ни говорила, так просто он ее никуда не отпустит. И как же давно рядом не было именно... такой, как она.

* * *

К Острову «Линорм» подошел ближе к полудню. Оставив ярла на палубе — не отвлекать же капитана в такой момент, Йанта зашла в каюту переодеться, но, неожиданно для себя, села на постель, уже привычно вытянув ноги, покрутила в пальцах подаренный нож. Бирюза и яшма на рукояти матово светились в сумерках каюты, поблескивало изящно выгнутое лезвие. Красивый клинок и в руке лежит просто безупречно. Йанта вздохнула. Давно она не принимала подарков без возможности отдариться хоть чем-то. Магия не в счет: раз уж решила найти свое место в этих странных землях и водах ворожеей на службе, значит, надо служить. А что она пока может, не зная ни нечисти, ни традиций? Богов — и то не знает, разве только тех, о ком рассказали драуг с Лираком. Владыка Моря Гунфридр, Повелитель

Холода Янсрунд, янтарная богиня Брада, Мрак и Пустота... Но как взывать к ним и стоит ли это делать? Сила здесь течет странно, и сама она непривычная, неподатливая. Да еще и боги непривычно близки к людям. Вон, с одним из них ярл даже в старинной вражде — мыслимо ли? Другому божеству служит, а третьему — Пустоте — собирается противостоять.

За окном, прикрытым от ветра плотным ставнем, кто-то пробежал по палубе, тащил что-то, слышались веселые голоса. Интересно, мертвая команда может сойти на берег? Или людей ярла просто радует хоть какое-то разнообразие? И что вообще может порадовать мертвецов? Друг не в счет — его-то уже понятно, что радует.

Йанта улыбнулась, вспоминая прошлую ночь: кажется, с каждым разом они все лучше притираются друг к другу, хоть искры порой и летят. Нож лениво крутился в пальцах, выписывая привычные, в плоть и кровь ввевшиеся фигуры: прямой хват, поворот, обратный, крылья бабочки, луна над озером, лепесток лотоса, лягушка ловит муху... Мелькало лезвие, расслабляя сознание, помогая сосредоточиться. Янтарная чудесница, мерикиви... Вспомнилось, как струйка чужой силы скользнула к Йанте, лизнула, будто пробуя на вкус. Янтарная кодунья присматривалась, пыталась определить, чего от нее можно ждать. Понятное поведение, в общем-то, ведь чужая магия на твоей земле — это всегда риск и хлопоты. Но не покидало четкое ощущение, что Йанта мерикиви не понравилась, хоть та и прятала чувства за пеленой своей силы. А сила у чудесницы, стоило признать, дивно хороша.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Хавфра — в северных легендах морская русалка, приносящая удачу, но карающая мужчин за неверность.

Линорм — мифический зверь, водяной змей или разновидность дракона-виверны.

Драуг — живой мертвец, обладающий собственной злой волей. Обычно получается из умерших «нехорошей» смертью, предательски убитых или неправильно похороненных.

Веденхальтия — морской дух, водяной.

Глѐг — традиционный напиток скандинавских народов из горячего вина, мѐда и пряностей.

Утбурд — ругательство: нечисть, дух младенца, оставленного умирать.

Дроттен — в Северных землях и на Островах наследственный правитель отдельного народа или местности.

Маргюгра — коварная морская ведьма, обительница глубин, иногда уродливая, иногда прекрасная.

Валкара — дева-воительница из Небесной дружины, посланница богов.

Хавманы — морские русалки мужского рода, возлюбленные хавфруа, но часто соблазняют земных женщин.

Фоссегрим — дух воды или леса, умеет чарующе играть на флейте.

Утбурдовы дети — ругательство, основанное на значении слова «утбурд» — нечистый дух.

Мерикиви — местность, мерикиви также называются люди, ее населяющие.